

Вирус Зоны. Охота на Стрельца

Автор:

Дмитрий Лазарев

Вирус Зоны. Охота на Стрельца

Дмитрий Владимирович Лазарев

Апокалипсис-СТВирус Зоны #2

Воцарившееся в Муромо-Владимирской Зоне спокойствие оказывается обманчивым. Тень, темный фантомный двойник Олега Катаева, ходит удовлетворять свою жажду крови в пограничный с Зоной Ковров. В верхушке АПБР зреет заговор. Разворачивают активную деятельность Измененные. Катаев вынужден скрываться в Зоне сразу от всех, но не оставляет попыток добраться до врагов, объявивших его «дичью». Михаил Стрельцов, бывший сослуживец Катаева, ведет свою войну и с Измененными, и с заговорщиками в АПБР, имея на то особые причины. Эти двое изгоев, получившие в ходе своих злоключений необычные способности, кажутся ожесточившимися и замкнутыми на собственных проблемах эгоистами. Но человечеству, оказавшемуся между двух огней в схватке силовых структур с чужим разумом, надеяться, кроме них, не на кого.

Дмитрий Владимирович Лазарев

Охота на Стрельца

© Д. Лазарев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

Верхнеобск. Девятый год метеоритного дождя

Ночь была теплой. Иначе Сергей и Алина наверняка простудились бы, поскольку выбрались на поверхность мокрыми буквально насквозь. Одежду потом, к сожалению, придется выбросить – она вся благоухала неповторимыми ароматами городского канализационного коллектора. Впрочем, бог с ней, с одеждой, – теперь бы из города выбраться живыми и, очень желательно, здоровыми, с чем могут возникнуть проблемы, учитывая, кого они разозлили. Руслан Кайнакбаев, державший в Верхнеобске всю торговлю наркотиками, был личностью серьезной. Он объявил невезучую парочку законной дичью для всей своей кодлы, и та азартно травила их сейчас по всему Верхнеобску, как волки оленей. Поэтому бегство в канализацию оказалось для Алины и Сергея единственным выходом.

Но сейчас главным было добраться до трассы, а там... там Сергей обо всем позаботится...

– Вот вы где, птенчики!

Прозвучавший грубый голос заставил беглецов обернуться. Ситуация сложилась критическая: из переулка неподалеку вынырнули трое «молодых волков» Кайнакбаева. Позади был тупик, а путь к дороге преграждала эта троица. Главарь тоже все понимал и торжествующе усмехался.

– Все, отбегались! Щас вас препарировать будем. Как жаб.

Один за другим щелкнули пружинные ножи, выбрасывая хищно сверкнувшие в лунном свете лезвия. Да только ночной сумрак помешал «волкам», ощущавшим себя к тому же хозяевами положения, вовремя заметить, как потемнели глаза парня.

А в следующий момент обстановка коренным образом поменялась.

Сгенерированная Сергеем незримая сила простерла свои щупальца к надвигающимся убийцам. Внезапно двое из них замерли, словно налетели на стену. Третий же, продолжая двигаться, оказался несколько впереди своих приятелей. А когда, почувствовав неладное, повернулся, чтобы узнать, в чем дело, было уже поздно. Один из подельников метнулся к нему и всадил под ребра лезвие своего ножа по самую рукоятку. Затем еще и еще... После третьего удара бездыханное тело бандита рухнуло на асфальт.

Однако убийца прожил после содеянного всего несколько секунд, ибо главарь, оставшийся сзади, бросился на него и энергично заработал ножом. Вскоре он остался один над двумя трупами, держа в правой руке окровавленное оружие, а левой зажимая рану в боку. Ужас и недоумение лишь на мгновение мелькнули в его глазах, а секунду спустя вновь сменились тупым и равнодушным выражением. Он стал медленно поднимать нож и вздернул подбородок, максимально открывая свою шею. Где-то глубоко внутри его существа, придавленные крышкой слепой, нерассуждающей покорности чужой воле, плескались ярость, бессилие, ужас и отчаяние затравленного зверя. А еще мгновение спустя он четким, аккуратным движением перерезал себе горло и упал, захлебываясь кровью.

Сергей отвернулся и встретил взгляд Алины.

– Жестоко, – заметила девушка чуть дрогнувшим голосом.

– Прости, – глухо промолвил он, отведя глаза. – Просто осточертело быть дичью для любой мрази, которая возомнит себя охотником.

– Ты меняешься, – заметила она.

– Я знаю. Только переживать по этому поводу уже поздно. Надо уходить: ни к чему, чтобы нас видели рядом с трупами.

Алина мрачно кивнула, признавая его правоту, и последовала за ним в ночную тьму в направлении, откуда время от времени доносился шум проезжающих автомобилей. Перемены в ее спутнике не просто пугали девушку – они нагоняли обреченность, ибо она знала, к чему все в итоге приведет. Выжженный дотла Краснотайгинск был ярким примером. Впрочем, знала, а вернее, чувствовала она и другое: менялся не только Сергей.

Глава 1

Катаев

Ковров. Владимирская область. Десятый год метеоритного дождя, через две недели после коллапса Кочевницы

Периметр... Здесь он уже серьезный. Немудрено. Тут город. Живой город. Коврову повезло, да не просто повезло, а сильно: когда Зона совершала бросок от Муром на Владимир, она поглотила весь запад с областным центром, а юго-восток был потерян уже давно. В настоящий момент из всей области Зоне не принадлежат только Ковров, Вязники и Гороховец с окрестностями. А здесь она остановилась у самой городской черты. На Клязьме и Нерехте. Накрыло только Заречную слободу. Теперь по этим двум рекам проходит Периметр, он же – линия фронта, потому что с запада лезет всякое. В основном это голодные мутанты. А еще с запада прихожу я.

Иду по мосту. По ту сторону пост из десяти человек плюс два БТР. Против истребителей и прыгунов хватает. Но не против меня. Потому что меня они вообще не видят. Чему-чему, а воздействию на человеческое зрение, вернее, на восприятие действительности я научился. Освоил этот навык в совершенстве: мог заморочить одновременно человек двадцать. С бо?льшим количеством уже возникнут проблемы, но я в такие места и не лезу. Мне надо пройти здесь и сейчас. Через мост, туда, в город. В мои охотничьи угодья.

После того как пала Заречная слобода, Ковров порядком обезлюдел. Многие поспешили его покинуть от греха подальше: кто знает, как долго Зона простоит на Клязьме? Вдруг уже через месяц ее наступление продолжится, и в город придет смерть? В общем, уехавших можно понять. Однако и осталось немало – примерно треть жителей.

Их я бы поделил на пять категорий:

– очень смелые,

- очень глупые (впрочем, эти две категории частично перекрываются),
- те, кого остаться вынудило чувство долга,
- те, кому элементарно некуда было идти, и они остались в своих домах, ежедневно молясь, чтобы Зона больше не двигалась,
- и те, кто физически не мог уйти (это больные, а также одинокие беспомощные старики...).

Ах да, еще я забыл про «стервятников». Так я называю тех человекоподобных, которые не гнушаются греть руки на чужом горе. Полно опустевших домов, из которых вывезено далеко не все. Грабь не хочу! «Стервятников» не смущало даже присутствие большого количества военных и апэбээровцев: ведь армия и Агентство охраняли Периметр, и как тем, так и другим, было как-то не до мародеров. А полиция зашивалась. Их численный состав тоже уменьшился, и весьма значительно. Кто-то перевелся, кто-то уволился, а кто-то просто сбежал. Кому, в самом деле, охота сидеть на склоне дымящегося вулкана и ждать, когда тебя накроет лавовым потоком?

В общем, народу мало. Но для моих целей хватит. Даже выбор какой-никакой имеется.

Все, мост и военные позади. Иду в глубь города по улице Федорова, оставляя по правую руку Рождественский собор. Там сейчас очень многолюдно, как и во всех церквях. Очевидно, тем, кто находится под дамокловым мечом, есть что сказать Богу. В таких обстоятельствах набожными становятся даже те, кто раньше из всех православных традиций соблюдал только Масленицу и Пасху.

Туда не пойду. Толпа – не мое место. Всем глаза не отведешь. Мне нужны одиночки. Оставив позади армейский пост на Периметре, я прекратил тратить энергию на то, чтобы оставаться для всех невидимым, – она у меня тоже не бесконечная.

Вот навстречу идет женщина. Довольно молодая и довольно красивая. И одета вроде неплохо. Даже странно, что такая, как она, не уехала. Что ее здесь держит? Идет, видимо, в собор. Ловлю себя на том, что слишком долго меряю ее задумчивым взглядом. Она с неудовольствием замечает это, презрительно

кривит губы и отворачивается.

Во мне внезапно вспыхивает ярость. Ах ты... Почти наяву вижу, как в живот ей вонзается лезвие моего ножа. Как глаза ее широко распахиваются от изумления и ужаса, как от боли искажается лицо, а полные губы распахиваются, чтобы исторгнуть дикий вопль. Но лезвие ножа перечеркивает ее горло, пресекая это намерение в корне. Кровь, очень много крови. И вот она в агонии падает на грязный асфальт.

Нет! Яростно трясую головой, отгоняя наваждение. Только не это! Не женщина. Женщин я не трогаю. Тот, кто стрелял там, был определенно мужчиной. Я это просто знаю. Так что ее кровь не утихомирит бушующие внутри боль и гнев. Даже на время.

Женщина, словно прочитав мои мысли, вдруг резко ускоряется и почти пробегает мимо меня, пришпоренная внезапно накотившим страхом. Правильно делает. Сдерживающие факторы пока работают. Но только пока. Я чувствую, как растет во мне градус агрессии, и знаю, что лучше бы сделать то, ради чего я здесь, раньше, чем он зашкалит. Иначе...

Искать, искать... Что-что, а это у меня получается. Я форменным образом сканирую город, выискивая в ближайших окрестностях кандидатуры, подходящие по всем параметрам. Таких пока хватает, грех жаловаться. Человечество никогда не оскудеет на подобных тварей! А значит, и мне будет чем утолять мой голод.

Кстати, о голоде. Кажется, у моего отборочного конкурса есть победитель. Другое дело, что радости ему эта победа не доставит. Скорее, наоборот. Сканирование показывает «стервятника» в одной из пустых квартир, рыщущего по ней в поисках поживы. Почему я уверен, что это именно «стервятник», а не, скажем, потерявший что-нибудь хозяин квартиры? Да просто мне хорошо знакома эта публика – встречался не раз, и мой ментальный сканер теперь безошибочно определяет подобных типов по основным психологическим характеристикам. На поверхности – алчность, наглость, беспринципность, а в глубине – хорошо запрятанный страх перед возмездием. Правильный страх, кстати. Мародеров в военное время положено казнить без суда и следствия. Не знаю, как это дело поставлено у контролирующих город силовиков, но я действую именно по такому принципу. Что ж, видимо, карьера этого «стервятника» подошла к концу. Я об этом позабочусь.

Чтобы войти в подъезд, мне даже не приходится применять мои особые таланты, так как домофон отключен и дверь разблокирована. Оно и понятно: почти все плательщики уехали, и компания, естественно, прекратила обслуживание. Зона, как и война, гонит прочь все цивилизационные признаки мирного времени. Поднимаюсь на третий этаж. «Стервятник» вот за этой дверью. Мне не надо ее дергать, чтобы понять: закрыта изнутри на задвижку. Подстраховался, гад! Но недостаточно. Против меня этого мало.

Способов ментального воздействия – вагон и маленькая тележка. Сейчас мой псионический дар тянется внутрь, не замечая препятствий в виде стен и двери. Вот он настигает «стервятника». Мне не нужно полностью подавлять его волю. Безмозглый зомби для моих целей не подойдет. Нужно, чтобы он полностью все понимал и чувствовал. Вот сейчас в его мозгу возникает совершенно непреодолимое желание подойти к входной двери и открыть ее. Зачем? Да просто ему очень больно – горят все внутренности. А если он откроет, боль сразу исчезнет. Откуда он знает? Что за дурацкий вопрос?! Знает, и все! Это столь же непреложный факт, как то, что солнце встает на востоке.

Конечно же, он подчиняется этому желанию. Не может не подчиниться. Открывает и ошалело смотрит в мои глаза – глаза своей смерти. Он не видит ножа в моей руке. И не увидит, пока лезвие не погрузится в его плоть по самую рукоять. Боль, ужас и понимание приходят одновременно. Но предпринимать что-то уже поздно. Я толкаю его вперед, и он падает навзничь, словно пластиковый манекен. Не кричит – не может, потому что моя воля передала ему гортань. Я шагаю внутрь и закрываю за собой дверь. Улыбаюсь этому почти уже покойнику.

– Ты никогда еще не играл в хирургов? Это очень интересно. Я сейчас тебе покажу.

* * *

Владимир

Явь в очередной раз встретила меня ознобом. Это не болезнь, не кошмары, вызванные высокой температурой. Хотя лучше бы так... Это не я, нет! Там был не

я. Но сказать, что я совсем не имею к этому отношения, нельзя. Убийца – некая часть меня, моя тень. Безжалостная и кровожадная. Она представляет собой неизбежное зло, которое мне удалось отделить от себя, чтобы самому не стать таким же. Я здесь. В сердце Зоны. И пробуду тут еще долго. Неопределенно долго. Потому что в «чистые» земли мне ход заказан. Я пытался, поэтому знаю, о чем говорю. Меня объявили вне закона. Назвали Измененным второй ступени. И выдали АПБР, армии, спецслужбам и полиции ордер на мой отстрел. Видимо, обвинили во всех смертных грехах, в том числе и в гибели экспедиции АПБР и опергруппы ФСБ. Кто об этом позаботился? Скорее всего тот, кто убил Агнешку и стрелял в меня. Правда, имя стрелка мне неизвестно, но это временно. Я найду его. Обязательно.

Глава 2

Из дневниковых записей Михаила Стрельцова

Даже не знаю, зачем взялся писать. Всегда считал дневники уделом женщин и невротиков. Тратить уйму времени на то, чтобы выплескивать на бумагу свои мысли и переживания, – что может быть глупее?! Но эти записи иного рода. На данном этапе своего пути я понимаю, что они мне необходимы. И как фиксация событий, в принципе немаловажных, и как попытка сохранить в себе человека, с чем сейчас могут возникнуть большие проблемы. Но я попытаюсь. Как говорил мой покойный отец, «Стрельцовы никогда не сдаются». Постараюсь соответствовать. Если дневник хоть как-то мне в этом поможет, буду его вести. Правда, мне подобные записи строго запрещены служебной инструкцией, но к сегодняшнему дню я уже столько раз ею пренебрегал, что еще одно нарушение погоды не сделает. А то, что с меня спросят за это, – полагаю, наименьшая из моих проблем.

* * *

Верхнеобск. Девятый год метеоритного дождя

Вообще-то я – дитя мегаполиса. Мне куда комфортнее в больших шумных городах, среди небоскребов, неоновых огней вывесок, шума машин и даже пробок. Природа иногда очаровательна, но лишь в качестве антуража для загородного пикника или шашлыков. Готов признать, что и у маленьких городов есть свое очарование. Правда, постичь его мне что-то никак не удастся. Хотя тут, вероятно, виноват Краснотайгинск. И каждый раз, приезжая в командировку в очередной провинциальный городок, я невольно сжимаюсь, как пружина. Ассоциации с той преисподней, из которой я девять лет назад едва ушел живым, перебить очень сложно, как и воспоминания о том, что в этом городе тогда не осталось ни одного живого человека, а сам он превратился в дымящиеся развалины. И ведь умом-то я понимаю, что нельзя всех под одну гребенку, но такие ассоциации – штука стойкая и упрямая.

Тем более что и на сей раз мой визит в Верхнеобск был вызван вполне определенными причинами, связанными с работой: по непроверенным сведениям информаторов АПБР, в этом городке было зафиксировано излучение, аналогичное тому, что выдавали обломки метеоритов, позднее создавшие вокруг себя Зоны. Правда, истинность этой информации пока ничем не подтверждалась. За три часа, что я находился здесь, мне не удалось обнаружить ни малейших признаков событий, обычно сопровождающих такое излучение. Измененные на начальном этапе, как правило, не особо умеют маскироваться. Про истребителей и прыгунов и речи нет. Если подобные твари появляются в городе, об этом сразу становится известно.

Разумеется, я не просто так бродил по Верхнеобску, пытаюсь визуально определить наличие последствий выброса. В мои наручные часы был встроен так называемый Н-детектор – прибор, определяющий наличие хотя бы минимальной дозы того самого излучения. Но пока и он молчал. Может, на сей раз повезет, и тревога окажется ложной? Однако ведь что-то дало повод для сообщения в Агентство! Наша организация слухами кормиться не привыкла. Будь иначе, учитывая количество сумасшедших в стране, мы только и делали бы, что разъезжали по городам и весям, проверяя очередной бред. Нет, раз уж шеф распорядился отправить меня в Верхнеобск, значит, основания имелись.

Вообще-то в подобные командировки нам в одиночку отправляться не положено, но в данном случае, в связи с загруженностью оперативников на других направлениях и невысокой вероятностью возникновения в Верхнеобске серьезных проблем, шеф решил сделать исключение. Штабной аналитик постоянно поддерживал связь со мной и оперативно поставлял нужную

информацию. Ну а так мне было не привыкать к автономной работе. Знаем, плавали. Не в первый раз и скорее всего не в последний.

В общем, несмотря на всякие там нехорошие ассоциации, я старался держать хвост пистолетом и быстренько так, в темпе вальса, сделать то, ради чего прибыл, и отбыть отсюда ко всем чертям. Надежда, что тревога ложная, продержалась у меня ровно до того мгновения, как я вышел на набережную Оби.

Она тут, конечно, не была столь огромной и величественной, как, скажем, в Омске и тем более в Салехарде (а мне и там, и там приходилось бывать по служебной надобности, так что я могу сравнивать), но тоже весьма широкая. Городок этот робко и доверчиво прижался к ее боку, словно котенок к матери, но угроза исходила как раз со стороны реки. Детектор, до сих пор показывавший обнадеживающие нули, скакнул до пяти единиц по шкале Шиханова. Это не сказать чтобы уж кошмар как много (по крайней мере короткое пребывание на территории с таким фоном изменений в человеке не вызывает), но уже основание для тревоги, и не слабое. Теперь понятно, почему фона нет в самом городе – источник излучения, похоже, находится на дне Оби. С одной стороны, хорошо – вода немного глушит излучение и замедляет скорость разрушения оболочки метеорита. С другой – доза все равно накапливается, и заражение продолжится, только не явное, а скрытое, постепенное, которое проявится лишь в тот момент, когда будет уже поздно что-либо предпринимать, и на выходе получится второй Краснотайгинск.

Следовательно, источник нужно «законсервировать», причем чем быстрее, тем лучше. В принципе все, что для этого нужно, у меня с собой. Пара станковых бомб в реку – и вся недолга. Только не абы где и не с берега: Обь – это вам не «тихая речушка без названья», которую перепрыгнуть можно. Нужен мост, причем как можно выше по течению. Насколько мне была известна география Верхнеобска, таковых в городке имелось аж два. Один – в самом центре, а другой – на юге. Этот южный для моих целей подходил лучше всего: весь город находился ниже него по течению Оби. Стан распространится достаточно быстро, окутает обломок метеорита и создаст вокруг него непроницаемую для излучения оболочку. Содержимого двух бомб должно хватить с лихвой. Вот только не бросать же их в реку с моста среди бела дня! А значит, придется дожидаться ночи.

А потом, после всего, еще и город прочесывать на предмет зараженных, поскольку если здесь появились Измененные, то... Эта гадость, конечно, не

грипп и даже не СПИД. Не передается ни воздушно-капельным путем, ни при половом контакте. Только внутривенная инъекция крови зараженного. Короче, Измененных надо найти и зачистить. Ну и прыгунов с истребителями, разумеется, тоже, хотя при такой интенсивности излучения им появляться вроде бы рано. Каким способом осуществить зачистку, это уж пусть лошадь думает – у нее голова большая. Кстати, этой лошади самое время позвонить.

Я набрал номер. Ответили почти сразу:

– Привет, Михаил! Что у тебя?

– Здравствуйте, шеф. У меня информация подтвердилась – излучение присутствует.

Я услышал, как Аркадий Семенович скрипнул зубами. Ярый противник ненормативной лексики, он таким образом запирает внутри себя рвущиеся на волю непечатные слова. Этот скрип остался единственным проявлением эмоциональной реакции железного шефа уральско-западносибирского сектора АПБР: тон его остался абсолютно спокойным.

– Сильное? – осведомился Аркадий Семенович.

– Судя по детектору, не очень. Хуже другое – источник в реке. Прошу санкции на использование станковых бомб.

– Считай, она у тебя есть. Только помни о секретности. Даже малая толика информации об излучении просочиться не должна! Иначе будет такая паника, что... Да ты не хуже меня знаешь, как люди реагируют на подобные новости, и у меня язык не повернется их за это упрекать.

– У меня тоже.

– В общем, делай все, что нужно, только тайно. Заловят тебя – отбrehивайся как можешь, только правду не говори! И удостоверение АПБР спрячь от греха подальше.

– Понял.

- Зараженные есть?

- Пока не знаю. Надо город прочесывать.

- Займись, как только нейтрализуешь источник излучения.

- Гм, шеф, тут помощники понадобятся. Объем работы большой, и потом, сами знаете: в одиночку на Измененных ходить... неправильно.

Аркадий Семенович вздохнул.

- Знаю, что неправильно, Миша. Вот только на помощь пока не рассчитывай. Павел с Людмилой лишь через неделю с объекта освободятся. Вместе с ними могу тебе кого-нибудь из «лояльных» подбросить. Но не раньше.

Тут я мысленно произнес «Ого!». Эти «люди-икс» на службе АПБР всегда были в дефиците, а помощниками являлись чрезвычайно ценными. Так что «лояльный» - это хорошо, а вот через неделю - очень плохо.

- Аркадий Семенович, неделя - срок долгий. Даже один Измененный - проблема, а если их тут два или больше, за неделю они тут меня на фарш порубят!

- Я знаю, Миша, что не могу приказывать тебе в такой ситуации. Однако в нарушение всех правил и инструкций прошу: держись. Поверь, мне это тоже не нравится, потому что наши инструкции кровью написаны. Кровью оперативников АПБР. Просто ты - особая статья. Ты - один из лучших и к тому же имеющий приличный опыт «автономок». С кем другим я бы не рискнул, а с тобой...

Да уж, зашибись! Сейчас лопну от гордости!

- Все это очень лестно, шеф. Обещаете написать эти слова на моем надгробии?

- Зачем так мрачно, Миша? Ты же еще не знаешь, сколько там Измененных. Если много - не связывайся. Только установи, кто они, где обретаются, и жди подмоги. А если один - зачисти.

- Кстати, о «зачисти». Способ исполнения?

У шефа, похоже, отлегло. Раз вопрос пошел о цвете, в который перекрашивать мавзолей, значит, принципиально я на матросовский подвиг согласен.

– На твое усмотрение. Хотя если стаж заражения невелик... У тебя ведь есть с собой антинова?

– Разумеется.

– Попробуй сначала вакцинировать. Лишний «лояльный» нам не помешает. Ну а если это будет невозможно или сопряжено со слишком большим риском...

– Понял. Сегодня ночью рассчитываю законсервировать Обломок, а с завтрашнего дня займусь поиском зараженных. Разрешите исполнять?

– Исполни, Миша! И удачи тебе!

Интерлюдия 1

Строганова

Москва. Десятый год метеоритного дождя

– Одинцов Сергей Николаевич?

– Да.

– Капитан Строганова, Федеральная Служба Безопасности. – Подошедшая предъявила удостоверение.

– Строганова Анастасия Викторовна, – с улыбкой прочитал куратор Московского сектора АПБР. – А у вас красивая фамилия, товарищ капитан! Вы случайно не имеете отношения к одному из древнейших дворянских родов России?

Однако собеседница не приняла предложенного легкого тона.

– Полагаю, это вопрос для другой беседы и в другом месте. А сейчас, товарищ полковник, мне хотелось бы побеседовать с вами о так называемом деле Кочевницы.

– А вот мне нет, товарищ капитан. – Одинцов продолжал улыбаться. – И дела-то такого нет.

– Дела нет, как, полагаю, и никогда не существовало экспедиции профессора Афанасьева во Владимирскую Зону?

Полковник поскущел.

– Вы хорошо информированы, товарищ капитан. Но все же ошибаетесь. Дела нет, потому что оно закрыто.

– Только не для ФСБ.

– Если уж на то пошло, для ФСБ этого дела и не было. Это не ваша юрисдикция.

– Теперь наша. – Строганова вынула из сумки какой-то документ и протянула полковнику. – Извольте ознакомиться.

Одинцов быстро пробежал глазами написанное, и брови его чуть приподнялись от удивления.

– Однако! – произнес он, возвращая документ. – И уровень же у вас! И стоило лезть на самый верх? Чего ради? Я же сказал, дела нет. Наши приборы зафиксировали коллапс странствующей аномалии, которой было дано кодовое имя «Кочевница». Зачем Службе вмешиваться?

– Дело Кочевницы наверху признано архиприоритетным и взято под контроль первыми лицами государства. В нем осталось слишком много белых пятен. В том числе гибель опергруппы ФСБ во главе с капитаном Потылиным.

Одинцов снова приподнял брови.

- Не знал, что Служба кого-то туда отправляла.

- Не стоит лукавить, товарищ полковник! У вас более чем подробная информация обо всем, что происходило во Владимирской Зоне две недели назад. Так вы готовы поговорить откровенно?

- Разумеется. Присаживайтесь.

- Спасибо.

- Что вас интересует?

- Почему вы объявили в розыск некоего Олега Катаева?

- Потому что это опасный преступник, убийца, обладающий к тому же чрезвычайно мощными псионическими способностями.

Впервые Анастасия проявила какое-то подобие эмоций, также приподняв брови.

- Убийца? Это что-то новенькое! По моим сведениям, Катаев принадлежал к так называемой группе вольных сталкеров, работавших в Муромской Зоне, и был замешан в ряде противозаконных операций. Но убийство... это не его профиль.

- Был не его, - сухо произнес Одинцов. - Зона меняет людей. Гибель экспедиции Афанасьева, по крайней мере последних выживших ее участников, лежит на его совести. Не думаю, что ошибусь, если предположу, что и ваши люди также стали его жертвами.

Строганова покачала головой.

- А вот к нам поступила другая информация - о черном фантоме, созданном аномалией. Именно его пси-атаки стали причиной гибели большинства участников экспедиции и оперативников группы Потылина.

Полковник усмехнулся.

– Пересказываете мифы, товарищ капитан! Эта легендарная черная фигура известна в народе как Черный Сталкер. Этот фантом, как Кровавая Мэри, – персонаж фольклора. Но не исключено, что Катаев мог использовать эту легенду в своих интересах. Его пси-возможностей вполне хватит, чтобы заставить кого угодно увидеть что угодно. В том числе и черную фигуру без лица. Поверьте, наш убийца – Катаев, и искать кого-то другого – значит даром терять время.

– На чем же основана ваша уверенность? У вас есть доказательства?

– Разумеется. Свидетельские показания, полученные из Зоны по спутниковой связи от членов экспедиции. В том числе и от подружки Катаева – ныне покойной нашей научной сотрудницы Агнешки Томаховской. Она позволила ему вскружить себе голову, но вовремя поняла, что он за фрукт. Романтический флёр слетел с этого вольного сталкера, когда ей стало известно о его незаконных операциях с кровью Измененных. Она решила его бросить, а он ей этого не простил.

Анастасия нахмурилась.

– Интересная картина получается, товарищ полковник. Ваша складная версия вступает в противоречие с некоторыми известными мне фактами.

– И какими же?

– Незадолго до того, как Катаев отправился во Владимирскую Зону, его вместе с подельником Григорием Ещенко задержали на южной границе Муромской Зоны. Ещенко был тяжело ранен, да и Катаев находился не в лучшей форме. В машине были обнаружены улики, позволявшие посадить обоих и надолго. Но вот в чем загвоздка – Катаев не сел, а отправился во Владимир. Не объясните мне этот странный факт?

По губам Одинцова снова скользнула кривая улыбка.

– Ай-ай-ай, товарищ капитан! Это внутренняя кухня АПБР, и вам об этом знать не следовало бы. Признайтесь честно, кто-то из наших людей работает на Службу?

– Я не уполномочена отвечать на этот вопрос, товарищ полковник. Может быть, ответите на мой?

– Извольте, отвечу. У Катаева были обнаружены пси-способности, о которых мы раньше ничего не знали. Более того, как выяснилось, он периодически вступал в пси-контакт с кем-то из членов экспедиции, которая к этому времени уже находилась в критическом положении. Я тогда полагал, что это хорошая идея, и сталкеру была предложена сделка: мы закрываем глаза на улики, а он отправляется в Зону и вытаскивает оттуда уцелевших членов экспедиции. К тому же Катаев говорил, что любит Томаховскую, и это казалось некоей гарантией его лояльности. Но я жестоко ошибся. Тем более что об их размолвке мне стало известно уже потом, когда было слишком поздно. Катаев всего раз вышел на связь, а потом, похоже, избавился от спутникового телефона. Вот так.

– Кто проводил пси-тестирование Катаева?

– Наш штатный экстрасенс.

– Его имя?

– Мальцев Анатолий Сергеевич.

– Мне необходимо с ним поговорить.

– Гм... Боюсь, с этим могут возникнуть затруднения.

Строганова нахмурилась.

– Мне что, еще раз показать вам бумагу?

Одинцов улыбнулся.

– Не стоит – я ее и в первый раз хорошо рассмотрел. Просто это дело стало очень стрессовым для нашего экстрасенса, и он попросил месяц отпуска. Учитывая его особую ценность для Агентства и тяжелый режим работы, отказать ему я не мог.

– Что же, тогда мне нужен его домашний адрес и телефон.

- Вы их получите, однако, по моим сведениям, он уехал отдыхать за границу.

- Куда именно?

- Не уточнял.

- Ой ли?

- Зря иронизируете! Без крайней необходимости не имею обыкновения интересоваться тем, что делают мои сотрудники в нерабочее время. Могу дать его сотовый, но почти уверен, что он его выключил. В общем, оставьте свой e-mail, я пришлю вам все данные на него, а больше, пожалуй, ничем не смогу помочь. Дальше сами.

- Хорошо. - Анастасия вынула из сумки свою визитку и протянула полковнику. - Жду от вас данных на Мальцева. И еще... если вспомните что-то по этому делу... что угодно - сразу звоните мне! В любое время суток.

- Непременно, товарищ капитан. Удачи в расследовании!

Глава 3

Из дневниковых записей Михаила Стрельцова

Верхнеобск. Девятый год метеоритного дождя

Когда я добрался до южного моста, уже стемнело. По пути мне почти не встретилось ни людей, ни машин. В маленьких городах жизнь вечерами замирает рано в отличие от шумных и, кажется, никогда не спящих мегаполисов. Оно и к лучшему - для того, что я задумал, зрители ни к чему. Секретность, секретность и еще раз секретность! Шеф на это слово в своем кратком инструктаже напирал особо, и его можно было понять.

Пока я шел до середины моста, между лопатками у меня возникло неприятное зудящее ощущение, будто кто-то сверлил мою спину внимательным и недружелюбным взглядом. Я огляделся. Вроде никого. Мерещится на нервной почве? С моей работой немудрено.

Вот и середина. Я остановился и снял со спины увесистый рюкзак. Две становые бомбы – не пара пуховых подушек. Подсвечивая себе телефоном, я быстро взвел пусковые механизмы. Мог бы, наверное, сделать это и в полной темноте: занимаюсь этим не первый и, пожалуй, даже не двадцатый раз – навыки доведены до автоматизма. В сущности, становые бомбы не взрывались в обычном смысле этого слова. Производился просто выброс содержащегося в них вещества, обладающего удивительной текучестью. Так что грохота и водяного столба ожидать не приходилось. Я посмотрел на Н-детектор. Ого! 10 единиц. Это уже прилично. Следовательно, я угадал: источник излучения близок.

С трудом подняв сначала одну бомбу, а затем вторую, я перевалил их через перила. Послышались два мощных всплеска, и груз пошел ко дну. Все, теперь порядок. Оставалось лишь убраться с моста поскорее.

В тот самый момент, когда я уже собрался осуществить отход на заранее подготовленные позиции, послышался шум машины, мчавшейся с приличной скоростью. Несколько секунд – и она остановилась возле меня. Прямо как в русских сказках «вдруг откуда ни возьмись». Полиция. Блин, что ж так не везет-то?!

Двое полицейских вышли из машины и направились ко мне, многозначительно держа руки на кобурах.

– Ну-ка держите руки на виду, гражданин! – сурово произнес тот из них, что был повыше. – Что это вы сейчас бросили в воду?

Где ж вы скрывались, отцы родные? И как я вас прошляпил? Темно, конечно, но ведь вы-то меня засекли! В бинокль ночного видения, что ли, за мной наблюдали? Не ваши ли взгляды я чувствовал позвончиком? И что прикажете делать? Как выпутываться? Полицейские – похоже, не Измененные. Внешне их, правда, от людей не отличишь, пока они своими особыми талантами пользоваться не начнут: тогда у них глаза темнеют, почти черными становятся. Но Н-детектор на них определенно среагировал бы скачком вторичных

показаний. Это как пульс на тонометре: большие верхние цифры уровень излучения показывают, а нижние – наличие рядом Измененных. Я, правда, так для себя и не уяснил до конца принцип действия этого прибора: фонили они, что ли, в каком-то особом диапазоне, как фрукты радиоактивные? Только определялось это лишь в непосредственной близости – несколько метров, не больше. Сейчас нижние цифры, на которые я украдкой скопил глаза, опасности не показывали. Так что если Измененные поблизости и есть, то подальше. Минимум – у моста на одном из берегов. Так что эти двое чисты. А по поводу людей, в том числе и местных властей, шеф выразился предельно ясно, и о том, чтобы правду сказать, нечего даже и думать. Население и так колотит от Краснотайгинска, Печоры и Мурома. Паранойя в обществе цветет и пахнет. А тут я, такой красивый, со своими становыми зарядами в мирном и спокойном Верхнеобске! Нет уж, о моей миссии следует молчать в тряпочку. Однако нужно срочно что-то придумывать. Обычно я хорошо импровизирую, но тут меня почему-то заклинило намертво.

– Банки с краской, – ляпнул я от безысходности, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Да ну?! – прищурился высокий. – А на мусорку не судьба вынести?

В принципе выкрутиться еще было можно, но тут я вновь ощутил спиной чужой взгляд. И очень мне это ощущение не понравилось. Не полицейские, значит, за мной наблюдали. Тогда кто? Измененные? Если так, то присутствие полиции даже кстати: не будь тут их, вполне возможно, я бы отправился сразу следом за своими бомбами в Обь. Мертвый, разумеется. Оно конечно, Измененные могут и на полицейских напасть, но раз до сих пор этого не сделали, значит, осторожничают. Но стоит мне одному остаться – наверняка осмелеют. Они-то меня видят, а я их – нет. И кто знает, сколько их там? Если больше одного, расклад категорически не в мою пользу. Значит, нельзя полицейских отпускать. И рассказывать им ничего нельзя тоже. Вариант остается один – нарываться. А уж этого умения у меня имелось в избытке.

– Дык пытался вынести, мужики! Три раза уже. Но они, сволочи, все время домой возвращаются. Проснусь – а они под дверью стоят. Достали уже меня! Решил утопить.

На лицах полицейских явственно проступило раздражение, и напарник высокого, ничем не примечательный мужик среднего роста, резко бросил:

- Пьяный, что ли?

- Отнюдь! Стеклый, как трезвышко! Хотите, в трубочку дыхну?

- Хорош прикалываться! Тебя серьезно спрашивают!

Но меня было уже не остановить. Вздохнув, я покаянно произнес:

- Ладно, уговорили. Все скажу как на духу. Бомбы это.

Надо было видеть, как мгновенно подобрались и построжили оба представителя закона. Пистолеты их оказались тут же направлены на меня.

- Что за бомбы? – деловито спросил высокий.

- Глубинные, противолодочные, – балдея от собственной наглости, пояснил я.

- Чего-о-о?!

- Знаете, – мой голос понизился до заговорщического шепота, – субмарина в нашей реке плавает. Американская, карликовая. Из Ледовитого океана зашла через Обь. Шпионит, понимаете ли, за нашим славным городом через перископ. Вот я и решил прекратить это безобразие...

Терпение полицейских лопнуло.

- Слушай, ты, юморист-самоучка, – прошипел высокий, – или ты мне сейчас же скажешь, что за хрень ты сбросил в воду, или загремишь на пятнадцать суток в «обезьянник»!

- За что?

- За загрязнение окружающей среды, – почти мгновенно нашелся второй, – и за оскорбление сотрудников полиции при исполнении.

- Какое оскорбление?

– Шутки твои дурацкие меня оскорбляют! – кипел высокий. – Ты что, нас за идиотов держишь?!

На языке у меня вертелась парочка острых вариантов ответа, но я решил, что все хорошо в меру. К тому же я чувствовал, что продолжение разговора в таком ключе может неблагоприятно сказаться на моем здоровье. Да, мне требовалось попасть в кутузку, но желательно без телесных повреждений. И хорошо бы раньше, чем продолжающие наблюдать Измененные наплюют на осторожность и атакуют всех троих. Приближение этого момента я прямо затылком чувствовал, а значит, медлить больше нельзя.

– Простите, мужики, – с совершенно серьезным видом сказал я истинную правду, – есть вещи, которых вам лучше не знать.

– Да ну?! – ощерился высокий.

Второй же просто поднял и направил на меня свой опущенный было пистолет.

– А ну-ка живо повернулся спиной, встал на колени и руки за голову! – скомандовал он.

Я послушно развернулся, но опуститься на колени не успел, потому что в этот самый момент снова зашумела машина, а пару секунд спустя услышал возглас высокого: «Ты что творишь?!» Обращен он был явно не ко мне, а к напарнику – больше не к кому. Поэтому я инстинктивно упал, причем не вперед, а вбок. И очень вовремя, потому что хлопнул пистолетный выстрел, и пуля выбила искры из асфальта совсем рядом. Если б не моя быстрая реакция, лежать бы мне сейчас с аккуратненькой дыркой в затылке. Я резко откатился в сторону и вскочил.

Мои глаза успели уловить две динамичные картинки: схватку полицейских, в которой высокий пытался отобрать у напарника пистолет, и стремительно приближающуюся серую «Ауди». Мозг заработал на предельной частоте. Так, в «Ауди» наверняка Измененные. Один из них, видимо, может брать людей под ментальный контроль, и это его умение действует на определенном расстоянии – иначе бы ему не потребовалось приближаться. Низкий – под контролем Измененного и пытается убить меня. Второй пока свободен, но это, чую,

ненадолго: приходилось мне встречать матерых псиоников, которым держать под контролем одновременно двоих – не вопрос.

Следующий кадр: низкому полицейскому удалось вывернуть руку так, чтобы пистолет был направлен в живот напарнику, и он дважды надавил на спуск. Две пули в живот отбросили высокого на перила. Теперь настала моя очередь. Но я был уже рядом и ударом ноги выбил у него пистолет. Качественно выбил: «макаров», стукнувшись о перила, улетел в реку. Второй удар получился эффектной вертушкой в стиле Чака Норриса, и полицейский, смачно получив ногой по лицу, рухнул навзничь. Я же краем глаза успел увидеть открытое окно задней двери находящейся уже совсем рядом «Ауди» и, опять-таки инстинктивно, метнулся к перилам и перемахнул их.

Успел я в самый последний момент, потому что из машины так полыхнуло огнем, словно на заднем сиденье дракон ехал. Мне чуть опалило спину и волосы, но я уже летел вниз, навстречу холодной и неприветливой обской воде. На мосту гулко ударило – похоже, взорвалась машина полицейских. Но больше я уже ничего не видел, «солдатиком» уйдя в глубину, и темная вода реки сомкнулась над моей головой.

Глава 4

Катаев

Владимир. Десятый год метеоритного дождя

Сегодня мне есть что отметить: пятый день подряд, когда меня никто не пытается убить. А для Зоны это, доложу вам, срок! Теперь, когда Кочевницы не стало, в Зоне наступило некоторое спокойствие. Это пришлось очень кстати, поскольку вести битву за выживание я на тот момент просто не мог: не было ни физических сил, ни моральных.

Говорят, что лучше совсем не иметь любви, чем потерять ее. И еще говорят, что, когда умирает любовь, силы для продолжения борьбы дает ненависть. Вот только моей ненависти тогда для этого почему-то не хватало. Я хотел найти

убийцу Агнешки, но, видимо, недостаточно сильно. И набреди на меня в те дни какой-нибудь истребитель или прыгун, я бы, пожалуй, даже сопротивляться особо не стал – настолько отвратительной и мрачной штукой представлялась мне жизнь.

Кроме того, мысленно я постоянно возвращался к ночи коллапса Кочевницы. Если подумать, убийца Агнешки своим выстрелом спас мне жизнь, хотя вряд ли это входило в его намерения. Станный и невообразимый для снайпера промах, когда вторая пуля угодила мне в плечо, тоже вызывал кучу вопросов. Почему-то я не сомневался, что, если бы этот стрелок хотел меня убить, убил бы. Тогда почему этого не сделал? Просто решил ослабить меня, чтобы я сразу же не пустился в погоню за ним? Не исключено. Даже вполне вероятно, поскольку, если б не рана, я бы так и сделал. А может быть, убийце кто-то помешал, заставив скомкать последний выстрел?

Ответа на этот вопрос я не знаю до сих пор. Как и на другой: кем или чем я становлюсь? Несмотря на все инъекции антиновы, столь долгое пребывание в Зоне не могло на мне не сказаться. Ментально да, изменения произошли. И не только в части псионических способностей. Сознание тоже стало иным, однако пока нельзя сказать, какие именно качественные изменения в нем произошли. Нет, вроде бы я пока не сделался Измененным ни первой, ни второй ступени. По крайней мере не перестал причислять себя к роду человеческому. Мне, несмотря ни на что, было небезразлично, что случится с людьми по ту сторону Периметра, хотя кое-кому из своих собратьев по биологическому виду я бы с удовольствием устроил досрочную встречу с Создателем. Да, мог и умел я теперь много больше, чем в бытность простым сталкером. Ценой стало то, что человеческие чувства во мне стали звучать несколько приглушенно, но не замолчали совсем.

Физических изменений я в себе не наблюдал. Хотя нет, вру. Моя рана. В принципе не такая уж тяжелая, она была весьма болезненной. И пулю надо было обязательно извлекать. Но в ту страшную ночь мне было совсем не до того. Наскоро перевязав рану, я смог лишь похоронить Агнешку на берегу старицы через боль, накатывающую волнами слабость и дурноту, под непрекращающимся проливным дождем. К счастью, я не потерял сознание и смог завершить это дело. Но после меня хватило лишь на то, чтобы кое-как добрести обратно до храма. Добрести, открыть дверь, упасть там на пол и сразу отрубиться.

Когда я очнулся от своего забытья, у меня болело все тело. Но! Пуля лежала на полу рядом со мной, покрытая запекшейся кровью, а рана в плече помаленьку начала заживать. Чудо? Вряд ли. В чудеса я не верю. Зато верю в ту информацию, которую мы имеем. В частности, о регенерации Измененных. Было очень похоже, что тело мое просто вытолкнуло из себя эту злосчастную пулю и стало восстанавливать повреждение. Так кто я теперь? Что я за монстр? Что за гибрид? Почему сохраняю до сих пор способность испытывать эмоции и откуда взялась стойкость к излучению всех видов? А фантом-убийца, похожий на меня как две капли воды, который периодически ходит на промысел в Ковров, неизвестным образом мгновенно преодолевая шестьдесят с лишним километров между городами? Как? Почему? Откуда? Одни вопросы. До чего же я от них устал!

Меня охватило почти разочарование, когда я очнулся там, в храме, и понял, что жизнь продолжается. Возможно, было бы лучше, если бы какой-нибудь истребитель зашел тогда в церковь и прикончил валяющегося без памяти бывшего сталкера. Да что там – наверняка было бы лучше! Зачем жить, когда в душе пусто и нет достойных целей?! Разве что месть. Достойная? Для меня – да. Но ведь она когда-то свершится. И что потом?

С тех пор все было почти спокойно. Только пара столкновений с истребителями в городе, когда я искал машину для вылазки на «чистые» территории. Истребители, кстати, выглядели странно – словно пыльным мешком ударенные. Будто раньше они принимали какой-то управляющий сигнал, а теперь он вдруг пропал. Это подтверждало некоторые мои догадки и подозрения. Но сейчас мне не было до этого дела. Смерть Агнешки лишила мою жизнь всякой мотивации, кроме одной: найти и уничтожить убийцу.

Та вылазка закончилась неудачей – на Периметре меня обстреляли. Причем огонь велся на поражение, и все автоматчики были экипированы пси-блокираторами. Позже я предпринял пси-разведку и обнаружил, что везде дана ориентировка на меня. Из серии «взять живым или мертвым» с примечанием «особо опасен». Ничего, на весь Периметр у них пси-блокираторов не хватит. В Ковров, например, мой фантом пока проникает. Может, и мне там попробовать? Во плоти, так сказать. Но сначала стоит разобраться со всеми вариантами здесь. В конце концов, если я до сих пор не изменился, пара лишних дней в Зоне погоды не сделает.

Я попытался найти место, откуда в меня стреляли, чтобы взять след стрелка. Тщетно. Там в ту ночь бушевала такая энергетическая буря, что в ней растворились все пси-эманации. Кто бы в нас тогда ни стрелял (сотрудник спецслужб или, скажем, «Геолог»), его тут давно нет. Если это был фээсбэшник, он стопудово слинял сразу же. «Геолог» после коллапса Кочевницы тоже наверняка не видел больше смысла здесь отираться. Если его целью было нарастить свою ментальную крутость или обрести дополнительные возможности, для этого теперь требовался уже Источник, ближайший из которых находился в Муроме. В общем, он либо плюнул на все, либо отправился туда. Так скорее всего сделаю и я. Немного попозже.

Кстати, каждый раз, как отделившаяся часть меня ходит на охоту в Ковров, я чувствую прилив сил, и голова начинает болеть меньше. Для собственного душевного спокойствия пытаюсь считать это совпадениями. Иначе придется признать, что все убийства, совершаемые моим темным альтер-эго, на самом деле косвенно моих рук дело, и я с этого имею профит. Хотя имею ведь, и никуда от этого не денешься. Такие мысли неизменно вызывают у меня сильную тошноту, отвращение к себе и очередной приступ суицидальных настроений. Хочется или пустить себе пулю в лоб, или в лучшем случае напиться и забыться. С этим здесь, кстати, никаких проблем. Спиртного в обезлюдевшем Владимире – хоть залейся. Заходи почти в любой магазин и бери, что хочешь. В отличие от продуктов алкоголь не портится – холодильник ему не нужен.

Я пробовал один раз – напился до отключки. А потом увидел, как мой темный двойник совершил внеочередной рейд за чьей-то жизнью. С тех пор я пить зарекся. С едой вот проблемы. Большинство продуктов в магазинах уже непригодно к употреблению (кроме бакалеи). И даже хлеб везде уже как каменный. Остается пробавляться крупами, макаронами и бич-пакетами, а готовить все это по старинке – на огне. Не самая лучшая, доложу я вам, диета, но выбирать не приходится. Кстати, еда – еще один аргумент за то, что пора сниматься с места. Да, так и сделаю, но завтра, ладно?

А сегодня мне нужно еще кое-куда сходить. В Боголюбовский монастырь. Теперь он больше не укрыт климатической аномалией и, что называется, открыт для посещения. Как показала пси-разведка, фантомов там тоже нет – коллапс Кочевницы уничтожил их всех. Значит, надо навестить это место. Оно единственное еще не обследовано мной в окрестностях храма Покрова на Нерли. Возможно, какие-то следы отыщутся там. Пожалуй, сейчас, когда прошло уже достаточно времени с разразившейся здесь псионической и энергетической

бури, самое время, чтобы попробовать поискать в успокоившемся ментальном пространстве хоть жалкие клочки эманаций. Опытному псионику и они скажут немало. Мой опыт, конечно, еще не столь велик, зато обучение я проходил экстерном, в стрессовой обстановке, пропустив через себя изрядный объем материала. Так я себя уговаривал, хотя сам в это не очень верил.

Конечно, колокольня Всех Святых выглядела очень неплохой огневой точкой для снайпера, но есть нюансы. Во-первых, далековато. Во-вторых, здесь властвовали климатическая аномалия и белые фантомы. Ну ладно, пусть колокольня возвышалась над границей тумана, и стрелок мог не замерзнуть от дикого холода. И допустим, если стрелком был «Геолог», он мог каким-то образом договориться с фантомами. А ведь это вариант! Причем едва ли не единственный, при котором «Геолог» мог укрыться от всевидящего взора Кочевницы. Во время нашего ментального поединка я успел достаточно узнать своего противника, чтобы понять – на подобный финт он вполне способен. Вот только был и третий нюанс. Монастырь и колокольня оказались внутри периметра Провалов, а значит, попали и в зону поражения, когда от места коллапса Кочевницы распространялись губительные волны. И если «Геолог» сидел здесь, выжить он просто не мог. Никак не мог, будь он хоть трижды паранорм! Я видел, что делала та волна. Могли ли фантомы прикрыть «Геолога» и спасти его? Это вряд ли, но проверить стоит. Волна была до выстрелов, а трупы стрелять не умеют.

Идем, значит... Все вокруг неподвижно и пусто. Мертвая Зона в буквальном смысле. Но расслабляться все равно нельзя. Пусть без Кочевницы у Зоны поубавилось зубов, все же кусаться она не разучилась. Однако, пока я шел, ничего живого мне не попало. И псевдоживого тоже. Вот и колокольня. Несмотря на то что климатической аномалии тут теперь не было, лето все равно медленно и робко возвращалось туда, откуда некоторое время назад его изгнали. Да, температура повысилась, а вот влажность и промозглость на территории монастыря никуда не делись. И пахло неприятно. Мое новое чутье по-прежнему не могло никого обнаружить. Но это и неудивительно: убийцы возвращаются на место преступления лишь в плохих детективах. Впрочем, жизнь – штука непредсказуемая: то выдаст сюжет в стиле Агаты Кристи или Эдгара По, то огорошит жуткой бульварщиной.

Двигался я осторожно, так что подъем на колокольню занял заметно большее время, чем потребовалось бы в обычных обстоятельствах. Перестраховался, как оказалось, зря: живых там не было. Зато присутствие мертвого стало для меня

сюрпризом. Что там сверхчутье – даже характерный запах не предупредил меня о том, что я обнаружу. Потому что не было его, запаха. А труп был. Черный, словно обугленный, и высохший так, будто его долго и тщательно готовили для какого-то чудовищного человеческого гербария. Однако обугленным труп показался лишь на первый взгляд. Посмотрев внимательнее, я обнаружил, что огонь тут ни при чем. Тут поработала та самая волна, что после коллапса Кочевницы превратила деревья в безлистные и безжизненные остовы, а осоку у старицы – в сухие и ломкие черные стебли. Ее почерк. Это был кто угодно, только не снайпер. Помимо всего прочего рядом с ним не было винтовки, а еще... Один взгляд с колокольни дал мне понять, что отсюда при всем желании не разглядеть, что происходит у старицы, – деревья закрывают. Нет, стреляли в меня точно не отсюда. Осталось выяснить, кому принадлежит это тело.

Документов у покойника не имелось, да и выглядел труп так, что ни о каком визуальном опознании не могло идти и речи. Впрочем, у меня есть и другие средства. Обычно, когда экстрасенсов показывают по телевизору, они водят над сканируемым объектом рукой. У меня такой необходимости не было. Я просто сконцентрировался и для верности закрыл глаза, чтобы жуткий вид трупа не отвлекал. Обнаружить остатки энергетики, которой обладал этот мертвец при жизни, оказалось непросто. Прошло уже прилично времени, да и волна постаралась... Но все же кое-что осталось. Правда, это были всего лишь жалкие ошметки психоэнергетической оболочки, которую я про себя называл попросту аурой. Если при жизни я не знал покойника, то по этим клочкам выяснить о нем что-то конкретное –дохлый номер...

Но мне повезло: в том, что я почувствовал, было нечто знакомое. Именно на пси-уровне, словно я раньше вступал с покойником в ментальный контакт или, вернее, конфликт. Да, через несколько секунд я уже мог сказать более или менее уверенно, кто передо мной. Похоже, именно с этим парнем мы схлестнулись в ментальном бою в том горящем доме в восточной части Владимира. «Геолог» собственной персоной!

Вообще не люблю я эти клички – как-то они обезличивают, ставят в один ряд с уличными бандитами или, скажем, Измененными-террористами из НМП, которые принципиально не пользуются человеческими именами. А единственное прозвище, которое было у меня в жизни – Странник, – могла использовать только Марина. Женщина, которую я (что греха таить) когда-то любил, но не смог спасти. С тех пор – только Олег, без вариантов. Возможно, поэтому в моей группе как-то не прижилась сталкерская традиция, согласно которой все

нелегальные ходоки в Зону знали друг друга исключительно под прозвищами. Моя тройка предпочитала имена. Антон, Гриша...

Некстати всплывшее воспоминание заставило меня сжать зубы. Эх, ребята, ребята! Гриша скорее всего мертв или отсиживает двадцатку за кровь Измененных. Что же до Антона, то мне самому пришлось его убить. Один раз как человека, взятого под контроль Черным Сталкером, а второй – уже в облике фантома. Все так, но вот «Геолога» я не мог себя заставить называть по имени, хотя и знал его. Просто Александра – и тем более Сашу – еще заслужить надо. Этот мерзавец не заслужил. Для меня он как жил, так и умер под кличкой «Геолог». Собаке собачья смерть! Никакого злорадства по этому поводу не было. Скорее, сожаление: я бы и сам был не прочь вышибить ему мозги, но раз уж волна сделала эту работу за меня – и так сойдет.

Когда я вновь открыл глаза, взгляд мой сразу наткнулся на предмет, который каким-то странным образом ускользнул от моего внимания при первом осмотре тела – спутниковый телефон. Осторожно извлек его из кармана покойника, осмотрел и с удивлением увидел, что он работает. Энергетическая волна, которая несла смерть всему живому, на электронику не подействовала. Как ни странно, батарея еще функционировала. Электричества тут давно не было, а значит, и подзаряжать его «Геолог» не мог с самого начала экспедиции. Правда, я знал эту модель. Выпускалась она специально для военных целей, и ее мощный аккумулятор держал заряд неделями. Но и времени прошло тоже немало. Выходит, так или иначе аппарат скоро сдохнет.

Держа телефон в руках, я заколебался: взять или оставить? Мне ведь, по большому счету, там, за Периметром, и звонить-то некому. Семьи нет, друзья мертвы или в тюрьме. Ну, остались несколько знакомых сталкеров, с которыми наша группа иногда сотрудничала, но ведь это так – шапочные знакомые. Сказать мне им в общем-то нечего, а вот сдать меня, «особо опасного преступника», они, если прижмет, могут запросто. Иллюзий на этот счет я не питал. Кому мне еще звонить? Вот разве что если...

И в этот миг телефон зазвонил сам. От неожиданности я его чуть не уронил. Звонок, второй, третий. Я держал телефон осторожно, словно он был ядовитым пауком и мог меня укусить, и не решался ответить. Это был телефон «Геолога», и как знать, кто ему там может звонить? Бывшее начальство из АПБР? Кто-то из ФСБ, раз уж он взялся сотрудничать с группой бедняги Потылина? Обе эти организации ведут на меня охоту, и давать им знать, что я жив, а также шанс

запеленговать мое местоположение, пожалуй, не стоит. Четвертый звонок, пятый, шестой... С другой стороны, вдруг мне удастся узнать что-нибудь интересное? Например, на кого именно работал «Геолог». Вдруг это выведет меня на стрелка или заказчика. Седьмой, восьмой... Какой, однако, настойчивый! Поддавшись порыву, я нажал кнопку ответа.

– Ну наконец-то! – прозвучал в трубке знакомый голос, который, если честно, я ожидал услышать меньше всего, потому что принадлежал он экстрасенсу класса «позитив», известному мне под именем Анатолий Сергеевич.

Глава 5

Из дневниковых записей Михаила Стрельцова

Верхнеобск. Девятый год метеоритного дождя

Выбрался на берег я примерно полукилометром ниже по течению. Выбрался, естественно, мокрый, грязный, со стучащими от холода зубами и злой, как черт. Но обская вода, которая здесь даже в разгар лета не особенно прогревается, остудила меня не только в физическом смысле. С бушующим в крови адреналиновым коктейлем и в бешеной ярости я мог натворить много глупостей, о которых впоследствии пришлось бы пожалеть. Но «плавательный тайм-аут» сыграл свою положительную роль, позволив мне принять взвешенное решение. Так что у вылезшего из реки мокрого черта, которого по случаю ночного времени, к счастью, никто не видел, имелся уже некоторый план действий, в котором (о чудо!) даже не значилось пункта бомбардировки города с воздуха.

Первым делом я позвонил в полицию и сообщил об инциденте на Южном мосту, потом добрался до гостиницы. Там переоделся, прихватил кое-какую полезную мелочовку (вроде удостоверения капитана ФСБ), доложил обстановку своему аналитику, загрузив его, таким образом, работой, и только потом отправился в гости к местным органам правопорядка.

Надо заметить, в управлении царил самый настоящий хаос. В этом не было ничего удивительного: в подобных городках редко происходят тяжкие

преступления, а уж такого, чтобы убили и сожгли сразу двух полицейских, тут, наверное, не бывало с лихих девяностых.

На резонный, хоть и не очень-то вежливый по форме вопрос, кто я такой и какого... приперся к ним среди ночи, я спокойно предъявил фээсбэшную ксиву (которая, кстати, выдержала бы даже довольно тщательную проверку) и сообщил, что был не только свидетелем, но и непосредственным участником трагического инцидента на мосту. Вот тут наступила тишина, прямо как у Гоголя в финальной сцене «Ревизора», после чего оправившийся от удивления начальник ГУВД Подкорытенко тоном куда как более вежливым, чем в начале нашей беседы, поинтересовался:

– Это что, операция ФСБ?

– И да, и нет. Взрыв – не наших рук дело. Но я здесь по очень серьезному поводу, связанному в том числе и с ним... – Тут я окинул выразительным взглядом собравшуюся вокруг толпу сотрудников.

Начальник намеков понял, выгнав из кабинета всех, кроме своего зама Потапова, и закрыл дверь. После этого я смог наконец продолжить, окончательно определившись для себя, какой процент правды можно сказать местным силовикам, чтобы не нарушить директиву шефа о секретности:

– Дело связано с одной террористической организацией под названием «Новый мировой порядок». Сокращенно – НМП. Это неонацисты самого радикального толка. По нашим сведениям, несколько членов этой организации прибыли в Верхнеобск для организации серьезного террористического акта. Понимаю ваше недоумение и, предвосхищая вопрос, почему именно у вас, а не в каком-нибудь крупном городе, отвечаю: потому что они хотели держаться подальше от нас. Они рассчитывали, что мы их здесь не достанем, и они спокойно смогут обкатать свою новую технологию.

– Что за технология? – деловито спросил Подкорытенко, и мысленно я поставил ему максимальный балл за самообладание: если ты привык иметь дело с ворами, мошенниками или максимум бытовыми убийцами, террористы для тебя – очень большой скачок.

– Речь идет о бактериологическом оружии, – сообщил я. – Надеюсь, теперь вы понимаете, почему я попросил удалить основную часть ваших сотрудников? Эта информация – строго секретная, а ее распространение может вызвать панику среди населения, чего бы очень хотелось избежать.

– Конечно, мы понимаем! – чуть ли не хором ответили оба высших чина местной полиции.

– Хорошо. Тогда я продолжаю. На мосту двое террористов охотились за мной, а двум вашим сотрудникам просто не повезло оказаться рядом.

– Чем работали террористы?

– Огнеметом. Они чрезвычайно опасны. Необходимо их найти, пока они не совершили еще чего-нибудь непоправимого.

– Зацепки есть?

– Не так много, – с искренним сожалением признался я и положил на стол бумажку с номерным знаком машины Новых. – Объявите в розыск серую «Ауди» с этим номером. Надеюсь, они ее не бросили, потому что скорее всего считают меня мертвым. Я бы тоже сгорел там, на мосту, но в последний момент успел прыгнуть в реку.

Начальник подтолкнул бумажку заместителю.

– Петрович, распорядишься?

– Конечно.

– Еще что-нибудь есть? Какая-нибудь конкретика, личности подозреваемых?

Я хотел было уже ответить отрицательно, но тут мне в голову пришла одна мысль, от которой у меня зубы сжались так, что возникли опасения, не раскрошатся ли они. Мысль эта была, конечно, притянута за уши и, возможно, являлась порождением моего большого желания, чтобы так оно и оказалось. На самом деле разнообразие способностей Новых (так мы для краткости называли

энэмпэшников) было не так уж велико: самое большее – пара десятков видов, а потому Измененные с одинаковыми способностями попадают весьма часто. Пироманты, конечно, явление несколько более редкое, чем, скажем, кинетики, но в НМП наверняка такой не один. Однако в данном случае чутье подсказывало, что судьба вновь свела меня с тем, за кем с самого Краснотаьгинска числится неоплаченный счет огромной величины. Разумеется, я очень хотел вновь повстречать убийцу Марины. Настолько, что, возможно, выдавал желаемое за действительное. Но я точно знал, что тот упырь выжил в краснотаьгинском аду, а значит, вполне может статься, что наши дорожки пересеклись вновь...

Осознав, что начальник ГУВД и его зам выжидательно смотрят на меня, я, поколебавшись, извлек из кармана смартфон, чудом выживший после купания в реке. Среди имеющихся там фотографий, разумеется, присутствовало и это ненавистное лицо. Нашел я его довольно быстро и продемонстрировал обоим собеседникам.

– Прошу учесть, что это лишь предположение. Лиц тех, кто ехал в «Ауди», я не видел и за предыдущие сутки, проведенные в Верхнеобске, его не встречал. Но некоторые косвенные улики наталкивают на мысль, что это может быть он.

– Кто это?

– В НМП он известен под кличкой Морон. Безжалостный убийца-садист. Идеальный приверженец НМП. При этом не психопат. Обладает хладнокровием змеи и таким же отношением к чужой жизни. На его личном счету и счету его группы не один десяток жертв. Морон любит и умеет работать с огнем. Его излюбленное оружие – портативный огнемет. Как правило, выступает лидером группы. В данном случае под его началом как минимум один террорист НМП. Это если нам повезет. Морон невероятно опасен. В случае стопроцентного опознания живым не брать – стрелять на поражение.

При этих словах Подкорытенко и Потапов изумленно посмотрели на меня. Они и предположить не могли, как трудно было мне дать такое указание! Больше всего на свете я хотел бы лично вышибить ему мозги, да только в нашем деле следование подобным желаниям, как правило, до добра не доводит. Кроме того, я хорошо знал, что станет с полицейскими, которые вздумают провести его задержание. Раз уж пришлось вмешать в операцию местных, иметь на своей совести их жизни – последнее, что мне нужно.

– Да, вы не ослышались! – подтвердил я со сталью в голосе. – Под мою ответственность. Если хотите избежать новых потерь в личном составе, вы сделаете все как сказано.

Я внимательно посмотрел на лица полицейского начальства и, убедившись, что они прониклись, продолжил:

– А теперь раздобудьте мне статистику убийств и самоубийств в городе за последнюю неделю.

– Самоубийств? – удивился молчаливый Потапов, чье каменное лицо впервые отобразило какое-то подобие эмоций.

– Да, – кивнул я. – Не удивляйтесь и просто сделайте это! С Мороном часто работает еще один чертовски опасный тип. Он очень способный гипнотизер. Ему ни в коем случае нельзя смотреть в глаза, впрочем... – Тут мне пришла в голову мысль, что псионикам (как в АПБР называли Новых, способных брать людей под контроль) зрительный контакт не нужен. Но как объяснить это полицейским, не упоминая слово «Измененные» и, как следствие, не вызывая жутких ассоциаций с событиями в Краснотагинске, я не представлял. – Впрочем, лучше будет, если вы, когда найдете террористов, не станете пытаться их захватывать, а просто дадите мне знать, где они находятся и сколько их. Договорились?

Оба полицейских чина неохотно кивнули. Я догадывался, что творилось у них в головах. На одной чаше весов было желание поквитаться за гибель своих и несколько болезненное самолюбие провинциальной полиции, которой, естественно, не нравится, что заезжий одиночка-федерал не доверяет им задержание особо опасных преступников, очевидно, не считая их на это способными. А на другой чаше находилось категорическое нежелание увеличивать счет своих потерь, что после событий на Южном мосту и моих слов выглядело весьма вероятным. Вторая чаша перевесила, пожалуй, не без помощи такого понятия, как субординация: раз столичный фээсбэшник тут распоряжается, значит, имеет соответствующие полномочия. Да и террористы, как ни крути, – дело федералов. На этой истории можно было, да не покажутся эти слова мрачным каламбуром, не слабо так обжечься, если действовать на свой страх и риск. И в случае провала высокое начальство с них семь шкур спустит. Можно не только званием поплатиться, но и работой вообще. А если федерал возьмет все дело под свою ответственность – и спрос с него будет. Так что верхнеобской полиции со всех сторон выгоднее было занять позицию

ведомых, что они и сделали к моему немалому удовлетворению.

– Тогда план такой, – продолжил я. – Занимаетесь поисками машины и несете мне статистику, о которой я сказал. Фотографию Морона я скачаю вам на компьютер. Распечатаете и дадите ориентировку по городу. Объявлений типа «разыскивается» ни в прессе, ни по телевидению не делать. Во-первых, не стоит пугать население террористами, а во-вторых, Морон (если это он) раньше времени может насторожиться. Сейчас этот мерзавец чувствует себя хозяином положения. Думает, у него все под контролем. Поверьте, если он начнет дергаться и психовать, всем от этого станет только хуже. Итак, если находите Морона со товарищи, никаких попыток захвата. Только даете знать мне. Ясно?

Ответом мне были два утвердительных кивка.

* * *

Статистику я получил примерно через полчаса. Что ж, достаточно оперативно. Я опасался худшего. В управлении расщедрились на отдельный кабинет, так что у меня появилась возможность заниматься своими изысканиями в одиночестве и относительно комфорте. Статистика, к счастью, объемом не впечатляла, что для маленького городка и неудивительно. Но одно событие сразу бросилось в глаза, и в голове не то что тревожный звоночек – набат ударил: вот они! В поножовщине погибли три представителя местной криминальной группировки – бойцы некоего Кунака, иначе Руслана Кайнакбаева. Судя по отчету криминалистов, складывалось ощущение, что они зарезали друг друга. Вот только на обычную ссору это не было похоже: одного из них ударили ножом в спину, а другому горло перерезали, причем спокойно так, словно без помех. И самое интересное, что нож, которым это сделали, остался в руках убитого, будто он сам себя казнил таким экстравагантным способом.

Вывод напрашивался сам собой – тут не обошлось без ментального контроля. А значит, автор этой бойни – мой «клиент». Я тут же позвонил Потапову и попросил досье на группировку Кунака. Было у меня ощущение, что Измененный не просто так начал с этих бандитов. Конечно, гипотеза о личном мотиве была притянута, как и все остальные мои выкладки, однако с чего-то же надо было начинать. Мотив мог помочь определить местного жителя (или жителей), попавших под излучение пробудившегося Обломка. А Морон (если, опять-таки, моя догадка верна) вполне мог прибыть сюда от НМП в качестве бывалого –

курировать свеженьких Измененных, которых, не законсервируй я Обломок, могло быть уже весьма приличное количество. В НМП наверняка не хотели повторения Краснотайгинска, который, несмотря на страшные последствия для города, для Новых, как ни крути, оказался поражением. А значит, агент террористов собирался до последнего маскировать деятельность своих подопечных, чтобы не привлечь внимания АПБР. Вот только он чуть-чуть опоздал, и псионик успел себя проявить. Когда же я сбросил в Обь станковые бомбы, энэмпэшник просто психанул и захотел убить меня.

И что же теперь? Он снова ляжет на дно, надеясь, что я погиб, а местные не сумеют раскрутить дело? Ох, вряд ли! Он не может не понимать, что гибель своего агента АПБР просто так не оставит, и скоро здесь появится мощная бригада Агентства. Так что осторожность осторожностью, но время теперь, когда Обломок нейтрализован, работает против Новых. И все, что теперь остается посланнику НМП, – наделать как можно больше Измененных и свалить с ними, «пока не началось». Как наделать? Только медленным способом – с помощью новообращенных. Внутривенные инъекции их и своей крови.

Итак, что же мы имеем на данный момент? Новых как минимум двое – пиромант высокого уровня и псионик. Мерзкое сочетание, что и говорить! И скорее всего этим не ограничится – число их будет расти, если, конечно, представитель НМП не полный лопух (а таковых там, насколько я знаю, не держат). Так что двое плюс, возможно, кто-то еще, пока себя не проявивший, и плюс, в перспективе, новообращенные. Погано... Насчет местных я нимало не заблуждался: в схватке с Новыми они могут стать разве что пушечным мясом, да и не факт, что я в этом плане далеко от них ушел. Да, подготовлен я к такому существенно лучше, но при таком численном соотношении и том, что они меня знают, а я их нет... Баланс сил просто удручающий.

В свете этого особенно интересно, на каких других чертовых объектах застряли оперативники АПБР, что ко мне еще неделю нельзя прислать подкрепления?! Аналитик уже в курсе моей аховой ситуации, а значит, и шеф тоже. Неужели там дела обстоят еще хуже?

Мои безрадостные размышления были прерваны сотрудницей архива, которая принесла пухлую папку с делом Кайнакбаева. Да, впечатляющее досье! Кунак был здесь преступником номер один, местной мафией. Торговля наркотиками, проституция – все это было в его ведении, но против самого Кунака имелись лишь косвенные улики. Попадались «шестерки» – дилеры, сутенеры. Но они

молчали, поскольку босса своего боялись больше, чем органов правопорядка. Знакомая картинка, только не совсем для наших дней. Я словно на машине времени прокатился и попал в этот город, застрявший в девяностых годах прошлого века... Тогда главными были бандиты. Именно такие, как Кунак, наглые беспредельщики, порой без раздумий шагающие по трупам. Во всей остальной России они цивилизовались, приобрели лоск и стали респектабельными бизнесменами, спрятав волчью натуру глубоко внутри, кое-где срослись с властями и деньги делали такие, что уличным волкам лихих девяностых и не снились. Но здесь этот урод словно законсервировался. Некоронованный криминальный король Верхнеобска заправлял тут всем по старым понятиям.

Все-таки техника скорочтения для людей моей профессии – штука архинужная. Внимательное и вдумчивое чтение этого досье отняло бы у меня несколько часов. А так я пролистывал его, выхватывая из текста самое важное и нужное: факты, лица, яркие события. Особенно меня интересовали враги Кайнакбаева, а из них – самые свеженькие, что называется, с пылу с жару, вступившие с ним в конфликт совсем недавно, незадолго до смерти трех его бойцов. И наконец взгляд мой наткнулся на единственный в досье факт, который мог быть связан с интересующим меня делом. Сын Кунака, Вахит Кайнакбаев, накануне этого тройного убийства попал в больницу с тяжкими телесными повреждениями. Свидетели утверждают, что всему причиной была ссора из-за девушки. Привыкший к вседозволенности и безнаказанности сын криминального короля зарвался. Думал, наверное, что по праву сильного может взять любую женщину, которую только захочет, а тот, кто с ней, безропотно уступит ее Вахиту. Тоже альфа-самец нашелся! И поплатился. Вломили ему так, что мало не показалось. Кто? Из-за кого? Имен ни парня, ни девушки в деле не было – свидетели их не опознали. Дали только описание, которое я аккуратно законспектировал.

Да, ребята здорово рисковали. Избиение сына Кунака ни в коем случае не осталось бы безнаказанным. На них наверняка объявили охоту, а им оставалось лишь надеяться на то, что полиция найдет их раньше бойцов Кайнакбаева, или бежать из города. Последнее предпочтительнее. Но люди Кунака все же нашли их... на свою беду. Либо парень, либо девушка, а может быть, и они оба оказались Измененными. И в бригаде Кайнакбаева образовались три трупа. Продолжает ли он поиски? Наверняка! Поговорить с ним? Бесполезно – этот матерый волчара ничего не скажет. Право казни он оставит за собой и никому не передоверит. Вот сын его – другое дело. Особенно сейчас, с пробитой аурой неуязвимости. Надо бы навестить его в больнице. Он – единственная ниточка к двум самым верным кандидатам в Новые...

В коридоре слышался шум, удивленные возгласы и возбужденные голоса. Дверь моего кабинета распахнулась без стука, и на пороге возник Потапов. Вид у него был, мягко говоря, ошарашенный.

- Вы ведь Кунаком интересуетесь?

- Да. Как раз хотел спросить: его сын все еще в больнице?

- Нет. Его выписали сегодня.

- Черт! Ну ладно. Где он сейчас? Мне с ним нужно поговорить.

- Это будет затруднительно...

- Да понимаю я ваши заморочки с этой семейкой! - досадливо бросил я. - Но мне и не нужно его на допрос вызывать! Просто частная беседа...

- Только если вы умеете духов вызывать, - скривился, словно от зубной боли, Потапов. - Кунака, Вахита, двух их телохранителей и шофера только что сожгли заживо вместе с машиной, на которой Кайнакбаев приехал за сыном в больницу.

Глава 6

Катаев

Владимир. Десятый год метеоритного дождя

- Владелец этого телефона мертв, - ровным голосом произнес я в трубку.

- Нимало в этом не сомневаюсь, - ответил «позитив». - Только одно уточнение. Прежний владелец. А мне нужен как раз нынешний. То есть вы, Олег Игоревич.

Я аж задохнулся.

- Откуда вы могли знать, что я найду труп этого типа и его телефон?

В трубке слышался вздох.

- Вам самому-то еще не надоели все эти ваши «как» и «откуда»? Не мальчик уже вроде, сами много чего умеете, а вопросы задаете дилетантские. Тут важно не «как», а «зачем». Вы вот от своего аппарата неблагоразумно избавились...

- Не избавился. Он сломался. Случайно.

- Допустим. - Кажется, «позитив» мне не поверил. - Тем не менее произошло это очень некстати. Если бы вы оставались на связи, можно было бы избежать нынешней тяжелой ситуации, в которой на вас навесили всех собак.

- А вы верите, что я не совершал всех этих убийств?

- Верю. Потому что в отличие от всех остальных побывал в вашей голове. Но я в меньшинстве. Точнее, в одиночестве.

- И кто же сделал меня козлом отпущения?

- Пока не знаю. Но я над этим работаю, хотя формально нахожусь в отпуске. Когда выясню, вы узнаете первым.

- И на том спасибо.

- Пока не за что. Сейчас мне нужна ваша версия истории с Кочевницей. С того момента, как вы первый и последний раз вышли со мной на связь.

- А вы разве еще не в курсе всего?

- Не язвите, молодой человек! Сейчас я - ваш единственный союзник. Весьма ценный, замечу. Мне известно многое, но далеко не все. Поэтому прекратите ёрничать и рассказывайте! По возможности кратко - насколько я понимаю,

батарею вашего телефона осталось недолго.

* * *

Когда я закончил рассказ, «позитив» какое-то время молчал.

- Плохо дело, - наконец произнес он.

- Да ладно?! - не удержавшись, снова съязвил я, но на сей раз собеседник на мой сарказм даже не отреагировал.

- То, что аномалия уничтожена, - единственное светлое пятно на общем мрачном фоне. То, что вас пытались зачистить... вернее, сделали вид, что пытались, - настораживает.

- Мог стрелок организовать всю эту травлю?

- Сомневаюсь. На данный момент он выглядит простым исполнителем.

- Но на кого он работает? На АПБР?

- Вряд ли. Я бы знал.

- Тогда ФСБ?

- Это не очень укладывается в логическую схему. ФСБ так не работает. Ликвидация - крайняя мера, и применяется она куда реже, чем это описано в детективах или боевиках. Но если уж дается приказ произвести зачистку лишних свидетелей, зачищаются все. Вы там стояли на открытом месте. Настоящий снайпер не промазал бы. А судя по выстрелу в одержимую Кочевницей госпожу Томаховскую, стрелок свое дело знает. Если бы он хотел вас убить, мы с вами сейчас не разговаривали бы.

- Я пришел к тому же выводу.

– Это радует. – Если в голосе «позитива» и был сарказм, то слишком хорошо замаскированный. – Носительница Кочевницы была очень опасна, и ее убили. Второй кандидат в... как вы это назвали?

– Разносчики.

– Точно! Очень меткое определение. Так вот, второй кандидат в разносчики, Александр Костылев, которого вы почему-то именуєте «Геологом», был уничтожен волной. Но если б не был, его скорее всего тоже убили бы. Вас оставили в живых, но вряд ли только для того, чтобы сделать в этом деле крайним.

– А для чего же еще?

– Хороший вопрос! Затеяна какая-то многоходовая интрига с дальним прицелом. Еще один аргумент против причастности ФСБ. Операции этой службы, как правило, имеют куда меньше составляющих. Простота и надежность – их кредо.

Меня так и подмывало спросить, откуда он это знает, но нарываться на очередную саркастическую отповедь не хотелось.

– И каков же вывод?

– Для выводов пока маловато информации. В деле появился некий неизвестный нам игрок с непонятными (пока) нам целями и задачами. Надо выяснить, кто это... Плохо, что связь с вами снова оборвется.

– Но вы же «позитив»! Да и я теперь кое-чего стою. Как насчет пси-контакта?

– Во-первых, не факт, что получится. Телепатическое общение, особенно между «чистыми» территориями и Зоной, – штука капризная, ненадежная и энергозатратная. Даже во время вашего контакта с госпожой Томаховской вы общались не телепатически, а говорили через одного из ее спутников, оказавшись в его теле. Рядом с вами живых людей нет, а рядом со мной... В общем, вам далеко тянуться. Даже с вашими возможностями... А во-вторых, вы ведь не думаете, что мы с вами обладаем монополией на пси-связь? Нынче экстрасенсов в стране хватает, и многие из них работают, в частности, на НМП.

Знаете, что это такое?

- Обижаете!

- В общем, пока мы не выясним, кто ведет против нас интригу, светиться с пси-контактами не стоит. Разговор по телефону я защитить могу наведенными помехами, но пси-связь – дело куда более сложное. В общем, телефон подержите у себя, пока он окончательно не исчерпает заряд аккумулятора. В «чистые» земли постарайтесь не соваться и меня на пси-уровне не ищите. Я что-нибудь придумаю.

- Пока что ваши рекомендации сводятся к бездействию. Меня это не устраивает.

- Это для вашей же безопасности. Есть те, кто желает увидеть вашу голову на блюде, а есть и другие, намеревающиеся использовать вас в своих целях. Неизвестно, кто хуже. И еще – избавьтесь, пожалуйста, от иллюзии собственной крутости и неуязвимости. Да, вы через многое прошли и со многим справились, но опыта вам пока не хватает. Может показаться, что после Кочевницы и Черного Сталкера вам ничто не страшно. Один персонаж детской сказки тоже пел что-то в этом роде, про «я от бабушки ушел». Чем все для него закончилось, вы, надеюсь, помните.

- Намек понял...

Возможно, «позитив» хотел сказать что-то еще, но в этот момент аккумулятор телефона исчерпал свои последние ресурсы, и аппарат вырубился. С сожалением посмотрев на еще недавно казавшееся совершенно бесполезным устройство, я все-таки сунул его в карман. Добрые советы старшего, умудренного опытом экстрасенса – это, конечно, хорошо, но мне всегда претило действовать под чужую диктовку. Пока что моя инициатива не раз выручала в самых пиковых ситуациях, а значит, надо позволять себе импровизировать. А начать можно с тайного визита за Периметр. Вот хотя бы для того, чтобы аккумуляторы подзарядить. Ну а там видно будет, сориентируюсь по обстановке. Приняв такое решение, я вдруг ощутил, как с плеч словно свалилась невидимая тяжесть. Я снова живу и действую, господа нехорошие!

Глава 7

Из дневниковых записей Михаила Стрельцова

Верхнеобск. Девятый год метеоритного дождя

Эффектное сожжение криминального короля всея Верхнеобска и окрестностей одновременно и усложнило, и облегчило мою задачу. Да, ниточка к установлению личностей возможных Новых была обрублена. Свидетели имелись, но лиц убийц они не видели. Видели только ту же серую «Ауди», что была на Южном мосту. Машина эта, кстати, по местной базе не проходила – номера были новосибирские. Еще один аргумент в пользу того, что пиромант – залетный представитель НМП, а не местный житель. С одной стороны, вроде тупик. С другой – это убийство подтвердило еще одну мою гипотезу, что парочка, перешедшая дорогу Кунаку и его бригаде, и есть свежеиспеченные Измененные. Что это мне давало, кроме морального удовлетворения от собственной прозорливости? Немного. Но сужало круг подозреваемых. Свидетели драки ныне покойного сына Кайнакбаева с одним из подозреваемых худо-бедно описали внешность парочки. У каждого полицейского в городе был список их примет, как и номера злосчастной «Ауди». От нее, кстати, Измененные могут в ближайшее время избавиться – слишком выделяется в отличие от внешности двух новообращенных.

Парень: лет тридцати, каштановые волосы, рост чуть выше среднего, худощавый и жилистый, лицо «обыкновенное». Последняя примета – просто супер! Меня она, во всяком случае, порадовала изрядно. Девушка несколько младше. Светловолосая, с серо-голубыми глазами, ростом примерно со своего спутника, симпатичная, с ладной, пропорциональной фигурой. Тоже, стало быть, «обыкновенная». Под такие приметы мог подойти тут каждый четвертый, но в комплексе это было уже кое-что. Парочка никуда друг от друга не денется, да и куратор из НМП своих подопечных тоже не оставит, а стало быть, искать надо троицу, из которых двое удовлетворяют названным приметам, а третий – «человек X» во всех смыслах этого словосочетания. Если это Морон – замечательно! В таком случае все существенно упрощается. А если какой-то другой пиромант? В конце концов, это может оказаться и женщина... И потом, долго ли будут действительными приметы парочки? Покраску волос, парики и, наконец, накладные усы или бороду никто не отменял.

Так что, по моему указанию, информация о подозреваемых была разослана во все магазины, торгующие парфюмерией и предметами для изменения внешности. Есть некоторая надежда, что сработает, хотя тот же пиромант все это может купить для них и сам, если, конечно, вообще озаботится маскировкой для своих подопечных. Догадывается ли он, что я провел параллели между убийством Кунака со свитой и конфликтом, который привел в больницу Вахита Кайнакбаева? Не факт.

В общем, сети заброшены, и, по идее, нужно ждать, когда в них попадет рыба. Только рыба эта такова, что при желании может ускользнуть прямо сквозь ячейки (ментальный контроль – штука сильная и на редкость полезная), а то и спалить на фиг сети вместе с рыбаками.

Конечно же, все это опасно. И в первую очередь – для местных полицейских, которые абсолютно не представляли, с кем столкнулись, а открыть им глаза мне мешала проклятая директива секретности. Имел ли я право рисковать втемную их жизнями? Вопрос непростой, но я склонен был дать на него положительный ответ. Хотя моя профессия и состояла в том, чтобы защищать людей от Измененных, те испытания, через которые я прошел за последние несколько лет, нарастили на моей душе броню покруче, чем у носорога. Просто если подумать, чем может обернуться наше бездействие, всякое желание морализировать и впадать в рефлексии пропадает напрочь. Если Измененных оставить в покое, они нарастят свою численность. Возможно, весьма значительно. НМП собирает армию, которая, быть может, и не обрушится немедленно на Верхнеобск, но придет время, скопит силы и ударит. Тяжко, страшно, кроваво, так что все содрогнутся. И нет в этом ни малейших сомнений, потому что Новым с определенной стадии изменения уже не знакома ни жалость, ни другие человеческие чувства.

Выводы понятные, только вот совесть – дама совершенно чокнутая. Не признавая никаких доводов разума, она продолжает бубнить о подлости и об отправке людей на смерть, так что приходится затыкать ее волевым усилием. Кроме того, со всех сторон будет лучше мне лично не принимать участия в поисках на улицах. Во-первых, не стоит раскрывать Измененным того факта, что я жив. Пусть пока пребывают на этот счет в блаженном неведении. Во-вторых, я сейчас полезнее в роли координирующего центра поисков, чем на передовой. Теперь я мог только ждать и надеяться, что местные полицейские, обнаружив Новых, не предпримут фатальной самодеятельности, а просто дадут мне знать.

Правда, еще вопрос, что я смогу сделать сразу против троих Измененных, один из которых к тому же умеет брать людей под свой контроль. Напрашивался единственный вариант – убийство с предельной дистанции. Для этой цели среди моих вещей имелась моя любимая складная СВД-С. Старенькая, но надежная, отлично пристрелянная и в моих руках более чем смертоносная на дистанциях до полукилометра. Приемчик, конечно, более подходящий киллеру, чем агенту АПБР. Но секретность и отсутствие помощи не оставляли мне другого выхода. При этом от одной мысли о том, как я буду объяснять местной полиции убийство подозреваемых без суда и следствия, заранее сводило скулы. Да и совесть, зараза, опять подняла голову, и на сей раз заткнуть ее было еще сложнее.

Не буду притворяться белым и пушистым – в силу профессии мне неоднократно приходилось убивать Измененных, но в большинстве случаев это было в бою, лицом к лицу. Снайперка же применялась лишь в исключительных случаях. Но кто скажет, что нынешний – не такой? С другой стороны, чтобы стрелять, мне нужно быть на сто процентов уверенным, что мои цели – даже не просто Измененные, а Новые, то есть изменения в их сознании преодолели точку необратимости. А если такой уверенности не будет, я просто не смогу заставить себя нажать на спусковой крючок. Обо мне можно думать все что угодно, но я – не отмороженный психопат и не наемный убийца, для которого чужая жизнь значит меньше грязи на его ботинках. Если же вопросы, подобные этим, окончательно перестанут меня беспокоить, то чем я тогда буду отличаться от наших врагов – Новых? Только отсутствием сверхспособностей. А в таком случае у меня просто исчезнет моральное право воевать с ними. Моя работа – очень опасная, невероятно психологически тяжелая, но меня всегда грела мысль, что я выступаю на стороне хороших парней и сам, пусть и с некоторыми оговорками, тоже таковым являюсь. А если эта мысль перестанет соответствовать действительности, что тогда?

Я помотал головой, словно пытаюсь вытряхнуть из нее мрачную и жутковатую картину открывающейся передо мной перспективы. Получалось плохо. Вот только какой у меня выбор? Нет, если Морон действительно в Верхнеобске, и я его увижу, тут моя рука не дрогнет. Насчет него я обещал. И себе, и Марине. Этот гад заслужил смерть. Но вот что с остальными? С парочкой? Да, один из них – псионик, что само по себе страшное дело. Если я буду столь глуп, что подойду к нему на расстояние действия его способностей, а он почувствует во мне угрозу – пиши пропало. Он просто заставит меня пустить себе пулю в висок, а я даже не смогу ему воспротивиться. Выходит он (она) – тоже кандидат на отстрел. И от того, сколь страшно и цинично прозвучала эта мысль, облеченная в слова, меня в очередной раз передернуло. Ладно, допустим, пси-способностями

обладает парень (такие варианты почему-то встречались чаще). Тогда кто такая его подружка? Она пока никак себя не проявила. Действовали только псионик и пиромант. А девушка что? Маскировалась? Или не имела активной боевой способности? Такие среди Новых тоже попадались, правда, не так уж часто. Например, читающие, способные видеть человека буквально насквозь и рассказать о нем все, расшифровав его энергетiku. Или поисковики, от которых не скрыться и в миллионном мегаполисе, если, конечно, они знают, кого искать, или располагают чем-то, принадлежащим объекту поисков. В общем, пока этот третий (третья, если взять за основу мою гипотезу) – неизвестный фактор, что не могло меня не тревожить.

Так или иначе, за моим чемоданчиком, в котором лежала разобранный СВД-С, в гостиницу уже послали. Пусть будет под рукой, чтобы, если уж так лягут карты, я мог пустить ее в ход...

На этом месте мои размышления были вновь прерваны открывшейся дверью. Похоже, стучаться они тут не привыкли. Это вновь был Потапов, видимо, назначенный ответственным за взаимодействие с федеральным агентом (со мной то бишь). В руке заместителя начальника верхнеобского ГУВД был чемоданчик с моей винтовкой.

– О, доставили уже? Давайте сюда.

Потапов протянул мне чемоданчик, но вид у него был слегка сконфуженный.

– Что случилось? – спросил я.

– Тут... э-э... кажется, вас к телефону. К стационарному в кабинете начальника.

– «Кажется, меня»?

Удивление вызвал как сам факт, так и построение фразы.

– Да. Эта женщина попросила позвать «федерального агента, который находится в управлении».

Я приподнял бровь.

- Вот как? Кто в курсе, что я здесь, кроме тех сотрудников, что были в зале?

Теперь причина виноватого вида Потапова стала яснее. Он опустил глаза.

- Больше никто... не должен быть в курсе.

- Однако утечка произошла, - резюмировал я спокойно. - Эта женщина сказала, что ей нужно?

- Только то, что у нее для вас важная информация.

- Ясно, - сказал я, хотя все, наоборот, заволочло густым туманом. - Что ж, идемте.

Проводив меня до кабинета начальника, Потапов, видимо, счел на этом миссию гонца исчерпанной и отправился по своим делам. Когда я подошел к телефону, сидевший за собственным столом Подкорытенко, немного поколебавшись, все же решил проявить деликатность, поднялся и вышел из кабинета, оставив меня в одиночестве. Этот факт меня весьма порадовал, поскольку неожиданный звонок на городской номер местной полиции стал причиной некоторой растерянности. Мои коллеги позвонили бы на мобильный. Тогда кто бы это мог быть?

Первым делом я извлек из кармана антипрослушку и закрепил на аппарат. Хорошо, что она у меня с собой оказалась - теперь, даже если кто-то подключится к линии, вместо разговора услышит лишь треск помех. Затем включил второй гаджет, которому, пожалуй, и сам Джеймс Бонд обзавидовался бы, - поглотитель звука. Даже реши местные полицейские подслушать под дверью, что я говорю, - до них донесется лишь слабое бормотание. В чем, в чем, но в спецэкипировке агенты АПБР никогда не знали недостатка, и все у нас было по последнему слову техники. Завершив эти приготовления, я взял трубку и приложил ее к уху.

- Да?

- Значит, это вы возглавляете охоту на нас? - спросил приятный молодой женский голос.

Вот оно, значит, как – прорезались, голубчики!

– На кого это на вас?

– Вот только не надо прикидываться! – Я прямо почувствовал, как собеседница поморщилась. – Все вы прекрасно знаете!

– Что ж, тогда карты на стол. – Вести дальше игру в недомолвки и намеки действительно не имело смысла. – Вы попали под излучение, так?

– Верно.

– Вдвоем попали?

– Да.

– А третий – приезжий?

– Да. Он сказал, что поможет нам.

– А о том, что он террорист, сказал?

– Он назвал это иначе – «боевое крыло сопротивления».

– Ну-ну... Как ни скажи, смысл не изменится... Зачем вы мне звоните?

– Я хочу предложить вам сделку.

– Сделку? Мне? Любопытно! А вы всегда действуете в такой очередности – сначала сжечь человека пытаетесь, а потом договориться?

– Это он. Приезжий.

– Пиромант?

- Да.

- А псионик, взявший под контроль полицейских, - ваш друг?

- Да.

- Значит, он тоже участвовал.

- Поймите, когда вы бросили становые бомбы, мы запаниковали. Приезжий сказал, что от вас надо срочно избавиться, и Се... мой друг согласился.

- Они знают, что вы мне звоните?

- Нет.

- То есть сделку вы предлагаете чисто от себя?

- Да.

- И в чем она заключается?

- Вы даете нам уйти. Мне и моему другу.

- Вы пока не окружены. Что мешает вам уйти прямо сейчас?

- Приезжий. Он не отпускает нас. Говорит, что у него на нас планы, и мы должны держаться вместе, чтобы выжить. Но я ему не верю. Он хочет использовать нас.

- Тогда почему бы вашему другу не применить против него свою способность?

- Мой друг пытался. В первую нашу встречу. На приезжего она не подействовала.

Вот, значит, как? Ладно, учтем на будущее - информация полезная.

– А ваша?

– Она... не боевая.

Так, ценный факт номер два, если, разумеется, собеседница не вешает мне лапшу на уши. Но что-то подсказывало мне: она не лжет. Ладно, зададим еще один вопрос:

– А какая?

– Предвидение будущего.

– Ничего себе! – не удержался от возгласа я.

– Все не так здорово, как вам кажется. Мой дар достаточно капризен и не всегда показывает то, что я хочу увидеть. Кое-какие картины ближайшего будущего чередуются с фрагментами более отдаленного. Не все непосредственно связано со мной, и не все я могу сразу истолковать. Но одно я увидела точно – нам с другом нельзя воевать с вами, для нас это плохо закончится... И городу тоже придется несладко. Но этого не произойдет, если вы нам поможете.

– Помогать Измененным? – В моем голосе прорезался явный скептицизм. – Довольно неожиданный поворот в моей карьере. Даже если я пойду на это, хотя никто не может гарантировать мне, что вы не лжете, я не совсем понимаю как.

– Если вы ликвидируете приезжего, мы с другом уйдем, и вы больше никогда о нас не услышите.

– А мне почему-то кажется, что услышу. Сейчас вы можете говорить что угодно и даже в это верить, но когда ваше сознание окончательно изменится, вы станете другой и будете убивать. Пусть не вы лично, но ваш друг с его способностью к ментальному контролю – уж точно!

В ее голосе зазвучала горечь.

– По себе судите?

– Вовсе нет. Я, уж простите за пафос, служу человечеству и уничтожаю тех, кто несет ему угрозу. Вроде вас. Вы же, Измененные, убиваете ни в чем не повинных мирных граждан.

– Это вы Кунака с сыном и их прихлебателями назвали мирными и неповинными? – с сарказмом спросила она.

– Я не стану читать вам мораль насчет недопустимости самосуда даже над бандитами. Быть может, конкретно они – не великая потеря для человечества. Вот только вы забыли про сожженных на мосту двух полицейских. Пока что у вас еще остались человеческие понятия добра и зла, но пиромант их лишен. Ему все равно, кого убивать. И вам это тоже станет безразлично, когда завершится изменение. И произойдет это довольно скоро. Не знаю, как вы, но ваш друг-псионик точно опасен, и отпустить вас просто так я не могу.

– Пока что вы нас не поймали, – напомнила она. – И если мы начнем воевать, этот город умоется кровью! Это не угроза – я видела будущее, и это будет страшно, поверьте! Избавьте нас от пироманта, и...

– Кто он? – внезапно перебил я Измененную.

– В смысле?

– Вы знаете его имя? Назовите мне его в знак ваших добрых намерений.

– Он просил нас называть его Морон.

На скулах у меня заходили желваки. Значит, свиделись все же, сволочь! Ведь чувствовал я, спинным мозгом чувствовал, что это он! И не ошибся.

– Значит, так, – произнес я медленно после паузы. – Предлагаю следующий вариант. Вы сдаете мне Морона, и я вас от него избавляю. Затем я вкалываю вам антинову и отпускаю на все четыре стороны.

Теперь уже замолчала она.

– Это вакцина? – наконец прозвучало из трубки.

- Да.

- Что она с нами сделает?

- Законсервирует в нынешнем состоянии. Остановит изменение, как физическое, так и сознания. Вы не превратитесь в безжалостных убийц. Правда, вам придется раз в два месяца отмечаться в ближайшем отделении АПБР и получать новую дозу, чтобы изменение не началось вновь. Простая мера предосторожности.

Конечно, я лгал. То есть не лгал, а просто не говорил всей правды. Если эти двое получат дозу вакцины и станут «лояльными», заложенный в вакцину учеными сюрприз навсегда сделает их наркоманами, чья жизнь будет зависеть от очередной инъекции. Вот только единственной альтернативой была смерть – отпустить их без вакцинации я не мог. Не имел права.

- На иглу нас посадить хотите?

- Это не так – просто страховка. Вроде прививки.

- Не надо мне про прививку! – В Измененной постепенно закипала ярость. – Забыли, с кем имеете дело? Как только вы заговорили про вакцину, мой дар показал мне картину будущего, которая реализуется при этом ветвлении событий. Так не пойдет!

Я пожал плечами, забыв, что моя собеседница не может видеть этого жеста.

- Тогда, боюсь, мы не договоримся.

Голос ее стал холодным, словно дыхание горного ледника.

- Жертвы будут на вашей совести, агент!

- Я сделаю все, чтобы свести их к минимуму.

- У вас не получится.

- Посмотрим.

- Чертов упрямец! - потеряла самообладание она. - Хорошо, у меня есть еще один аргумент, способный вас переубедить. Я видела кое-что связанное с вами. С вашим будущим. Могу вам рассказать.

- Не стоит. Думаю, без этого знания я как-нибудь проживу.

- Вы - да, хотя и не так уж долго. Но вот она через год станет одной из нас.

Мне стало холодно. Настолько, что даже задрожали пальцы обеих рук. Накатившая волна эмоций накрыла меня с головой. За время, прошедшее с Краснотайгинска, я успел уже отвыкнуть от подобного. Если ты один - ты неуязвим, но когда в твоей жизни есть кто-то еще, близкий и дорогой тебе, в защищающей тебя броне появляется брешь. Та самая, через которую тебя поразит смертоносная стрела.

Сквозь окутавший мозг туман до меня донесся голос Измененной:

- Ау, агент! Вы еще здесь? Вам это интересно?

- Да, - хриплым и каким-то чужим голосом произнес я. - Слушаю вас. Очень внимательно.

Интерлюдия 2

Строганова

Москва. Десятый год метеоритного дождя

- Ваше имя?

- Ещенко Григорий Александрович.

- Род занятий до ареста?

- Вольный сталкер.

- Конкретизируйте, пожалуйста.

- Послушайте, дамочка, зачем эти игры? Вам не хуже моего известно, что означают слова «вольный сталкер».

- Во-первых, я вам не дамочка, а товарищ капитан. А во-вторых, если я спрашиваю - значит нужно. Отвечайте без выкрутасов.

- А то срок накинете? - насмешливо прищурился Ещенко.

- Срок не срок, а строгость режима можно увеличить. Итак, чем вы занимались до ареста?

- Работал в Муромской Зоне.

- Подробнее!

- Водил туда туристов-экстремалов. Доставал оттуда различные вещи по заказам с этой стороны Периметра...

- Еще!

Он поколебался.

- Кровь Измененных.

- Тоже по заказу?

- Да, но ее только с пятидесятипроцентным авансом. Потому что очень опасное дело.

- Чьи были заказы? Кто клиенты?

- Не скажу. Клиенты – табу! Можете считать нас, вольных сталкеров, преступниками, но у нас есть свой кодекс чести.

- Какая честь в том, чтобы продавать опаснейшее вещество, которое является потенциальным источником смерти и для самого клиента, и для многих из его окружения, если бы пошел процесс изменения?

Сталкер поморщился:

- Ой, вот только на мораль давить не надо! Пробовали уже до вас и ничего не добились. В эту сторону поезда не ходят.

- Как знаете. Ваше перевоспитание, равно как и ваши клиенты, – не моя задача. Это юрисдикция АПБР. Мне просто хочется понять, почему вы и ваши так называемые «коллеги» этим занимаетесь.

Ещенко пожал плечами.

- А чего тут понимать? Деньги, конечно. Большие деньги.

- Вы сообщали своим клиентам о риске? Антинова, которую вы продавали им вместе с кровью, – не гарантия. Если ее ввести не вовремя...

- Мы их подробно инструктировали.

- И предупреждали, что инъекции вакцины следует повторять раз в два месяца? Что вы фактически сажаете их на иглу, причем препарата, который достать в сто раз сложнее, чем героин? Кстати, а к вам-то он каким путем попадал?

Ещенко усмехнулся.

- А вы умеете допрашивать, товарищ капитан! Эмоциональная речь, а потом будто ничего не значащий вопрос «кстати». Только я со всеми вашими приемчиками знаком, и меня на них не поймать, ясно? Никогда никого не сдавал и сдавать не собираюсь. Про себя – пожалуйста! Да и какой смысл

запираться, если меня взяли с железными уликами? Через неделю – суд, и за это я получу свой законный срок, который отмотаю, но больше никого за собой на нары не потащу!

Теперь уже усмешка пробежала по губам Строгановой.

– Ну да, конечно. Я вор в законе и дружков не продавал!

– Чего?

– Ничего. Киноклассика. Сейчас это мало кто смотрит. К сожалению... Кстати, как ваше здоровье, Ещенко? Для того, кто месяц назад был очень тяжело ранен, у вас вполне цветущий вид.

– В АПБР хорошие врачи.

– При каких обстоятельствах вы были ранены?

Он вздохнул.

– Вам же это наверняка хорошо известно.

– Я хочу услышать от вас. Кстати, не трудитесь запираться по поводу ваших подельников – они нам хорошо известны. Что Антону Точилину, что Олегу Катаеву уже сложно навредить какими-то показаниями. А вот помочь можно. Олегу. Антон ведь умер?

– Знаю об этом со слов других. Сам свидетелем не был. А что с Олегом?

Вопрос прозвучал небрежно, но было видно, как сильно он волнует Ещенко.

– Какой вы простой! – Строганова откинулась на спинку стула. – На мои вопросы отвечать не хотите, а из меня информацию тянете? Так не пойдет. Тут у меня приоритет. Расскажите все, что знаете по этому делу, и тогда, быть может, и я с вами кое-чем поделюсь. Только так и никак иначе!

- Хорошо. Что вы хотите знать?

- Все, что вы помните о своем последнем возвращении из Зоны, внезапном безумии Точилина и... все остальное.

- Мы все очень устали. РПД была существенно превышена, а с пси-давлением Зоны шутки плохи.

- РПД?

- Рекомендуемая предельная длительность пребывания в Зоне. Если без пси-блокиратора. Мне было еще полегче из-за моей природной стойкости к таким вещам, а вот парни были основательно на взводе. Собачились по дороге.

- Из-за чего?

- Да так, по мелочам вроде. Олег недавно из отпуска вернулся... Ну, это мы так говорим, «из отпуска». В нашем деле зарплаты, отпусков, больничных и пенсионных отчислений нет. Все это каждый устраивает себе сам. Олег устроил себе отдых с подружкой где-то на море. Вернулся посвежевшим и... как бы это сказать? Ему и раньше не особенно нравились наши игры с кровью Измененных.

- То есть он возражал против этого?

- Да. Скажем так - не любил связываться.

- Боялся?

- Нет. По принципиальным соображениям.

- И тем не менее пошел с вами именно за кровью.

- Ну, мы тут с Антоном на него надавили. За ним должок был. Перед отпуском мы ему очень помогли в одном очень важном для него деле... Даже не спрашивайте, в каком - не скажу, хоть стреляйте!

– Как угодно. Продолжайте.

– Ну, подруга его... Она правильная. И влияет на него соответственно. Он и на наши дела смотреть по-другому стал, как с ней связался. Но тут мы его взяли на «долг платежом красен». Вот он и пошел.

– Судя по анализам, у вас была кровь кинетика. Как вам удалось ее добыть?

– Ну, как... Засаду устроили. Измененный Антона основательно приложил, но мы с Олегом его оглушили. Выкачали крови, сколько смогли, не убивая его, и оставили лежать там без сознания.

– Хорошо. Так, значит, Олега волновал моральный аспект всего этого дела? Поэтому и ссорились?

– Не только поэтому. Тому, кто никогда не испытывал на себе пси-давления Зоны, этого не объяснить. Начинаешь нервничать. Психуешь из-за пустяков. Вот, скажем, споткнешься о камень и ногу ушибешь. Обычно чертыхнешься просто и идешь дальше. А под давлением это может целую истерику вызвать. Орешь как бешеный, ругаешься, слюной брызгая... Ну, как-то так, в общем. Олега некоторое время с нами не было, он не знал об изменившейся обстановке в Зоне. Мы его просвещать пытались, а он все сомневался. «Сталкерский фольклор», говорил... Тоже словечко придумал. Ну, Антон за словом в карман не полез, и вышла у них перепалка.

– О чем это он сказал «сталкерский фольклор»?

– Известно о чем. О Черном Сталкере, конечно!

– А вот с этого места поподробнее! Кто или что такое этот Черный Сталкер?

– Да ладно вам! Будто сами не знаете! Фантом такой черный. Один из первых, которые в Муромской Зоне появились. А до этого о фантомах вообще никто слыхом не слыхивал. Это сравнительно недавняя дрянь. Так вот, у него сила в разы мощнее, чем у Измененного-псионика. Он людей с ума сводит, сразу многих накрыть может. Заставляет человека вначале тех, кто рядом, убить, а потом и с собой покончить. А иногда вселяется даже.

- Как это «вселяется»?

- Ну, как... А как духи вселяются? Так и он. Влезет в чужое тело и им командует.

- Это же легенда...

Ещенко аж плюнул от досады.

- Ну, вот и вы туда же - «легенда». Да эта «легенда» нас на той дороге всех троих чуть не порешила!

- А сами вы этого фантома раньше видели? До того случая на дороге?

- Сам не видел, врать не буду. Но слышал от парней, которые доверия заслуживают. Они видели и чудом в живых остались.

- От кого?

- Вы опять?

Строганова с досадой махнула рукой.

- Ладно, забудьте. Вернемся к вашей истории. Что произошло после ссоры ваших спутников?

- Во время ссоры. Антон что-то увидел и резко затормозил.

- Что именно?

- Черного Сталкера.

- Но вы лично его не видели?

- Да что вы заладили: «видел - не видел»! - Ещенко пришел в раздражение. - Просто так Антон паниковать не стал бы. Он не трус. Он...

- Из парней, заслуживающих доверия, - закончила его фразу Строганова.

- Именно так, - процедил сквозь зубы Ещенко. - Только без вашего сарказма.

- Это не сарказм. Просто скепсис. Вы только что рассказывали мне про пси-давление Зоны и о том, что ваши спутники были на взводе. Разве не могло кому-то из них в таком состоянии привидеться что-нибудь в этом роде?

Хорошая физиономистка, Строганова увидела, что хваленая железобетонная ментальная непробиваемость Ещенко готова дать трещину. Стойкость стойкостью, но тяжелое ранение, арест и гибель друга кого угодно могут подкосить. Но он овладел собой.

- Понимаю, как это выглядит со стороны. Но вы ошибаетесь. Галлюцинациями не объяснить того, что произошло потом.

- И что же?

- Антон психанул и вышел из машины. Мы с Олегом тоже вышли. Попытались его урезонить. То есть я попытался. Как самый спокойный, я всегда выступал миротворцем. Но тут почти сразу понял - бесполезно.

- Почему?

- Антон изменился.

- Так же, как...

- Нет, не как Измененные. У него лицо другим стало, глаза потемнели и... Короче, перед нами словно другой человек стоял. Чужой, враждебный. Он и пистолет выхватил. Я попытался еще что-то сказать, но Антон... а вернее, тот, кто занял его место, выстрелил мне в грудь... Дальше я помню смутно. Боль, сознание затуманено... Видел, что вселившийся в Антона дух (не могу дать гарантии, что это именно Черный Сталкер, но кто бы это еще мог быть?) направил пистолет на Олега, склонил голову к плечу. Знаете, как собака смотрит? Овчарка немецкая. Вот так. А потом хрипло, словно сильно простуженный, стал требовать, чтобы Олег отдал ему пистолет. Олег и отдал.

Основной. Только у него и запасной имелся, о чем этот словно не знал. Потом... затрудняюсь сказать точно, потому что мне самому было очень хреново... но, кажется, этот атаковал Олега на пси-уровне. Олег сопротивлялся. Отчаянно сопротивлялся. Я видел, как его лицо исказилось.

- Пойдите, вы говорили, что у Черного Сталкера якобы могучие пси-возможности.

- Да.

- И тем не менее Катаев сопротивлялся ему? Он что, сам псиоником был уже тогда?

- Что значит «уже»? Не был он никогда псиоником. Ни грамма в нем экстраспособностей не было.

- А если было? Мог он их скрывать? Насколько я знаю, в вашей среде к экстраспособностям относятся с подозрением.

- Еще бы! Мы видели, что могут Измененные. И первое, что мы бы подумали в таком случае, - изменился парень. Но скрывать... Даже при большом желании у него не получилось бы. Сколько мы втроем в Зону ходили - не перечесть! В такой тесной связке подобное не скроешь.

- И тем не менее он сумел выжить в схватке с этим вашим фантомом-убийцей.

- Так я помог ему! Выстрелил в спину этому одержимому. Из последних сил. Попал вроде. Тот дернулся, обернулся, но тут Олег ухитрился своей второй пистолет достать и три раза в него пальнул. Больше я ничего не помню, отключился. Очнулся уже в карантинной больнице АПБР. Это все, что я знаю. Скажите, Олег жив?

- Жив-то жив... Ваш друг стал проявлять пси-способности очень высокого уровня и стал убивать. Предположительно на его счету около двадцати человек.

Глаза Ещенко округлились от невообразимого изумления. Или этот сталкер - гениальный актер, или он совершенно искренен.

– Нет-нет-нет! Это бред какой-то! Только не Олег! Да я ж его как облупленного знаю. Мы с ним столько всего прошли... Он никогда бы... Нет, вы ошибаетесь!

– Но ведь Олег мог уже не быть самим собой. Что, если он действительно изменился? Ломка сознания происходит не сразу. Поэтапно. Какое-то время люди еще ведут себя как прежде – и только потом...

– Нет-нет, поверьте, я бы понял! Мы знаем признаки. Симптомы. Нам рассказывали. Учили. И мы сами видели, как это происходит. Что-что, а уж Измененного даже на начальной стадии мы бы распознали! Вы ошиблись – Олег не мог убить всех этих людей! Его подставили! Это кто-то другой!

Строганова поднялась и нажала кнопку. Вошла охрана.

– Достаточно. Можете его увести.

– Нет! Послушайте! Вы должны мне поверить! Это не он!

Крики сталкера еще долго доносились из коридора, но Анастасия Строганова уже не обращала на них внимания. Она думала. Благо, было о чем.

Глава 8

Катаев

Где-то в Муромо-Владимирской Зоне. Десятый год метеоритного дождя

Пейзаж мне знаком, и довольно неплохо. Холмы. Преимущественно лиственный лес. Река – широкая и медленно текущая. Город на горизонте. Купола церквей. Ока. Все это к западу от Мурома. Много раз я сюда ходил, пока был еще вольным сталкером. Эх, хорошее было время! Относительно беззаботное. Самая большая проблема – как не попасться патрулю АПБР или отбиться от мутантов. Сейчас такое кажется развлечением. Тем более что тогда я был интегрирован в общество. Зона не составляла мою постоянную реальность, а лишь возникала в

ней эпизодическими вкраплениями. Пусть порой довольно долгими, но вкраплениями. И я всегда знал, что вернусь в нормальный «чистый» мир, посижу с парнями в баре, встречу с Агни... Агни...

Все теперь в прошлом. И она тоже. Но сейчас-то я зачем здесь? Сон? Опять из тех, что преследовали меня во время охоты за Кочевницей? Давненько их не было. Разве что те, которые с моим темным двойником в главной роли. Но сейчас я – это я, а не он. Я не охочусь, и жажда крови не сушит меня изнутри. Да и не на кого здесь охотиться: Муром – сердце Зоны. Люди здесь бывают редко. И в основном это либо апэбээровцы, либо сталкеры с клиентами.

А сейчас тут я. Иду, бездумно переставляя ноги, в направлении города. С непонятной целью. Впрочем, в таких снах цель мне всегда непонятна почти до самого конца. Прямо детективный триллер, мать его! Мои особые таланты завязаны на Зону, и поэтому, как правило, подобные сны-видения являются посланиями. Закодированными. И расшифровывать их приходится каждый раз с нуля, потому что хоть я и стал теперь лучше понимать порождение чужого разума, но все еще говорю с ним на разных языках.

Мы враги, но вынуждены сосуществовать. Кочевницы больше нет, а муромский Источник пока является единственным пробужденным. На территории России, разумеется. По ситуации за границей в курсе, наверное, руководство АПБР, ФСБ и окружение президента. Простым смертным такую информацию не выдают – боятся паники. Правильно, наверное...

Но я сейчас – как представитель человечества на чужой территории. А владения эгрегора муромского Источника можно назвать чужим посольством. Только зачем я здесь? У меня нет полномочий вести переговоры от лица человечества. Зато у Источника есть на меня здоровенный зуб. За Кочевницу. Впрочем, я опять сужу о нем с точки зрения человеческой логики, эмоциональной матрицы. Возможно, Источнику плевать на прошлое. Он выше мести. Он – сама прагматичность, и если есть возможность использовать врага для своей вящей пользы, сделает это, не задумываясь. Мечь для него – категория настолько пустячная, что он в своих действиях вряд ли будет принимать ее во внимание. К тому же я для него вполне могу оказаться ценным ресурсом, разбазаривать который просто неразумно. Он мыслит другими категориями, к которым я лишь поверхностно прикоснулся, общаясь с Кочевницей. Но она к моменту нашего контакта уже не была чистым чужим разумом. Заразилась человеческой эмоциональной инфекцией. В самом худшем ее проявлении.

Источник иной... Наверное. И я сейчас двигаюсь прямо к нему, судя по моим внутренним ощущениям. Местоположение муромского Обломка известно мне лишь приблизительно. Но он где-то там, прямо по курсу. Я что, планирую нанести ему визит? Если бы это зависело от меня, то нет. Ни в коем случае! Крыша у меня, конечно, уже набекрень, но не настолько же! Жить я еще хочу, и очень желательно – человеком. Сомнительная честь для того, кого общество отвергло, превратив в изгоя. Но я пока не хочу становиться совсем иным. Измениться в полном смысле этого слова. Хотя тогда мне, наверное, стало бы намного проще. Но мы, люди, не ищем легких путей. По крайней мере многие из нас, к числу коих принадлежу и я. А еще мне страшно. Изменение не кажется мне новой ступенью развития. Скорее, наоборот. У меня ощущение, что, изменившись, я утрачу нечто очень важное, без чего перестану быть собой.

В этом сне я не вполне управляю событиями и даже собой, иначе давно уже остановился бы. Хотя... Мне все-таки интересно. Ни один сон-видение не был послан мне просто так. Всегда есть смысл, и его необходимо разгадать.

Ох! А вот и он – смысл. Вернее, она. Идет навстречу. (Наверное, именно такой подлянки и следовало ожидать от муромского Источника. Все-таки он злопамятный.) Идет и смотрит на меня. Среднего роста, с пышными вьющимися каштановыми волосами. Чуть курносое лицо с пухлыми губами и ямочкой на подбородке. Глаза голубые, брови взлет... Она. Будь я художником, мог бы, наверное, нарисовать ее портрет с закрытыми глазами. В любое время дня и ночи. Потому что она все время стоит передо мной. И снится регулярно.

Агни... Агнешка Томаховская для всех, и Агни – только для меня. Была. Пока не умерла на моих руках, будучи уже не совсем собой. Естественно, ее облик, голос и все остальное попали в базы данных эгрегора Источника, так что теперь он мог в любой момент сострять качественный фантом. И сострепал. Только для чего? Чтобы убить меня? Но я уже умею справляться с подобным. С образом Агни это, конечно, будет сложнее, но я сумею отрешиться от визуального восприятия, как делал это не раз. Тренированный разум не даст сбой и теперь. Это не Агни, а очень искусная копия с чужим наполнением. Голос и воспоминания в комплекте. Только меня этим не возьмешь. Надеюсь...

Готовлюсь к схватке. Вернее, к развоплощению. Избавляюсь от эмоций, становясь в чем-то ментально похожим на то, что не торопясь приближается ко мне...

– Здравствуй, Олег!

Она все-таки заговорила. Что же, этого следовало ожидать. Усыпляет бдительность. Пытается не позволить мне принять нужный ментальный настрой. Только не выйдет!

– Не хочешь со мной разговаривать, да?

Все-таки какой похожий голос! До мельчайших ноток, интонаций. Хорошая работа.

– Не вижу предмета. Тебя послал Источник? Напрасно. Мне нечего ему сказать.

Она вздыхает. Очень естественно.

– Зря ты так. Нам вовсе не обязательно воевать. Зачем ты защищаешь отживших? Алчная, агрессивная тупиковая ветвь эволюции, высокомерно считающая себя вершиной творения. Обреченная. Ты уже не принадлежишь к ним. Ты выше, сильнее. Новая раса, более совершенная. Они сами оттолкнули тебя, изгнали из своей среды. Ты для них чужак. Нам ты гораздо ближе, пойми!

Я качаю головой.

– Нет. Не ближе. Я еще человек. Думаю иначе. Чувствую, наконец, в отличие от вас! И этого вам, бездушным големам, у меня не отнять.

Она морщится.

– Опять эмоции. Когда нет логических аргументов, включаются они. Нелепый атавизм, который ведет человечество к самоуничтожению. И это за него ты цепляешься, как за высшую добродетель? Глупо. Ты еще несовершенен. Но мы можем помочь тебе стать таковым. Просто отринь эмоции. Они мешают тебе познать истину. Тебе ведь уже почти удалось это. Невеликая потеря, скажу тебе! Даже вообще не потеря, если честно. Только из-за них человечество стало такой чумой. Заразой, разрушающей и биосферу планеты, и саму себя. И люди уничтожат себя – рано или поздно. Количество бесконечных войн перейдет в качество. Мы просто ускорим процесс, чтобы последствия для планеты были не

такими тяжелыми.

– Ускорите? И скольких при этом умертвите? Восемьдесят процентов? Девяносто?

– Сколько понадобится. Планете не нужно такое огромное население. Пришедшая на смену людям совершенная раса будет немногочисленна и в отличие от своих предшественников не станет сеять вокруг смерть и разрушение.

– Лозунги, лозунги... Не самый лучший способ убедить. Скорее, наоборот, – усмехаюсь я. – Прямо партия «зеленых»-экстремистов. Можешь выдвинуться в Думу на следующих выборах.

– Ты зря смеешься. Настроил себя изначально негативно и не хочешь воспринимать разумных слов. Почему-то представляешь нас абсолютными злодеями, кровавыми мясниками. Но это не так. Те, кто убивает вас, – лишь отражения вашей ненависти, инструменты обновления. Мы ведь даже не просим тебя принимать активное участие в умерщвлении себе подобных. Ты можешь помочь нам иначе. Я расскажу как. А здесь... просто отойди в сторону и позволь отжившим проиграть свою последнюю войну и сойти со сцены.

Я покачал головой.

– Мы не договоримся.

В ее голосе звучит искренняя печаль. Точнее, качественная имитация искренней печали.

– Жаль. Я надеялась, что эта внешность поможет мне достучаться до тебя. Та, к которой ты испытывал такие чувства, уже часть нас, часть эгрегора. Пора и тебе занять место рядом с ней.

– Нет!

– Подумай еще раз! – Она повышает голос. – Это последнее предложение. Другого не будет. Волна обновления все равно сметет человечество, но у тебя

пока есть шанс не попасть под нее. Последний шанс. Твое сопротивление ничего не изменит, кроме твоей собственной участи.

– Угрожаешь? Зря. Кочевница уничтожена, а без нее ты можешь намного меньше. Ты – единственный пробужденный Источник, и тебя тоже скоро ждет консервация. Ты еще рычишь и показываешь клыки, но сам боишься. Потому что проигрываешь. Меня тебе не запугать!

– Ты ошибаешься. И скоро поймешь, насколько сильно. Но будет уже поздно. Разговоры для тебя закончатся прямо сейчас. Дальше мы станем действовать иначе...

– Иди к черту!

Во время всего этого разговора я не терял времени: слишком свежо воспоминание о том, что было в прошлый раз, когда Кочевница заговаривала мне зубы. Теперь моя очередь шутки шутить... Отринуть эмоции, говоришь? Пожалуйста! Нужный ментальный настрой приходит мгновенно, потому что находится уже в готовом состоянии, только включи. И я включаю. Развоплощающий импульс, команда «небытие». Фантом должен исчезнуть, раствориться в воздухе. Но выходит иначе. Кровь течет из глаз, носа и рта полной копии Агнешки. Поточками. И лицо, любимые черты превращаются в чудовищную маску смерти. Этот образ держится примерно с полминуты, прежде чем окончательно исчезнуть. Мелкая месть Источника напоследок. Мелкая для его масштабов, конечно...

* * *

Когда меня выдернуло в физическую реальность, в дополнение к всегдашнему ознобу было что-то еще. Я не сразу осознал, что. Щеки. Они были мокрыми. От слез.

Глава 9

Из дневниковых записей Михаила Стрельцова

Верхнеобск. Девятый год метеоритного дождя

- Света, привет! Как твои дела?

- Привееет, братец! Рада тебя слышать! Дела нормально, более или менее. Тружусь на ниве отечественной журналистики в поте лица своего.

- У вас там все спокойно?

- Это ты... в дурном смысле?

- В нем.

- Да ты что, я девушка порядочная! – хихикнув, ответила она цитатой.

- Я, между прочим, серьезно!

- Что, есть повод для беспокойства?

- Есть.

- Послушай, – она понизила голос, – да если бы у нас тут что-то было, оно бы уже...

- Не факт, – столь же тихо и мрачно перебил я.

То, что мы с ней обсуждали, было чистейшим криминалом – и с ее, и особенно с моей стороны. И в плане режима секретности, и в плане опасения вызвать панику среди населения.

- Ты не хочешь сменить место жительства?

- С чего бы вдруг? Миша, тебе не кажется, что это уже паранойя? На профессиональной почве?

- Не кажется. Есть сведения, что через год...

- Ты что, к гадалке ходил?

- Хуже. Понимаешь, я опасаюсь, что прогноз может оказаться точным.

- Он был связан с Владимиром?

- Нет. Только с тобой.

- Тогда мы не знаем, откуда ждать опасности, - резонно ответила Светлана. - Быть может, перееду я как раз туда, где она меня и подкараулит. Так что без точных данных я с места не тронусь. Ты же знаешь, как я люблю Владимир, и чтобы уехать отсюда, мне нужен более серьезный повод, чем смутные и неконкретные опасения. К тому же ты сам сказал - есть еще год.

- Ладно, извини... - Я сделал паузу, чтобы справиться с волнением. - Возможно, с переездом я и погорячился. Просто очень о тебе беспокоюсь.

- Знал бы ты, как мне это приятно, Миша! - Ее голос стал удивительно теплым. - Может, приедешь, чтобы убедиться, что со мной все в порядке?

- Пока, к сожалению, не могу. Застрял на задании... Я люблю тебя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lazarev_dmitriy/virus-zony-ohota-na-strel-ca

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)